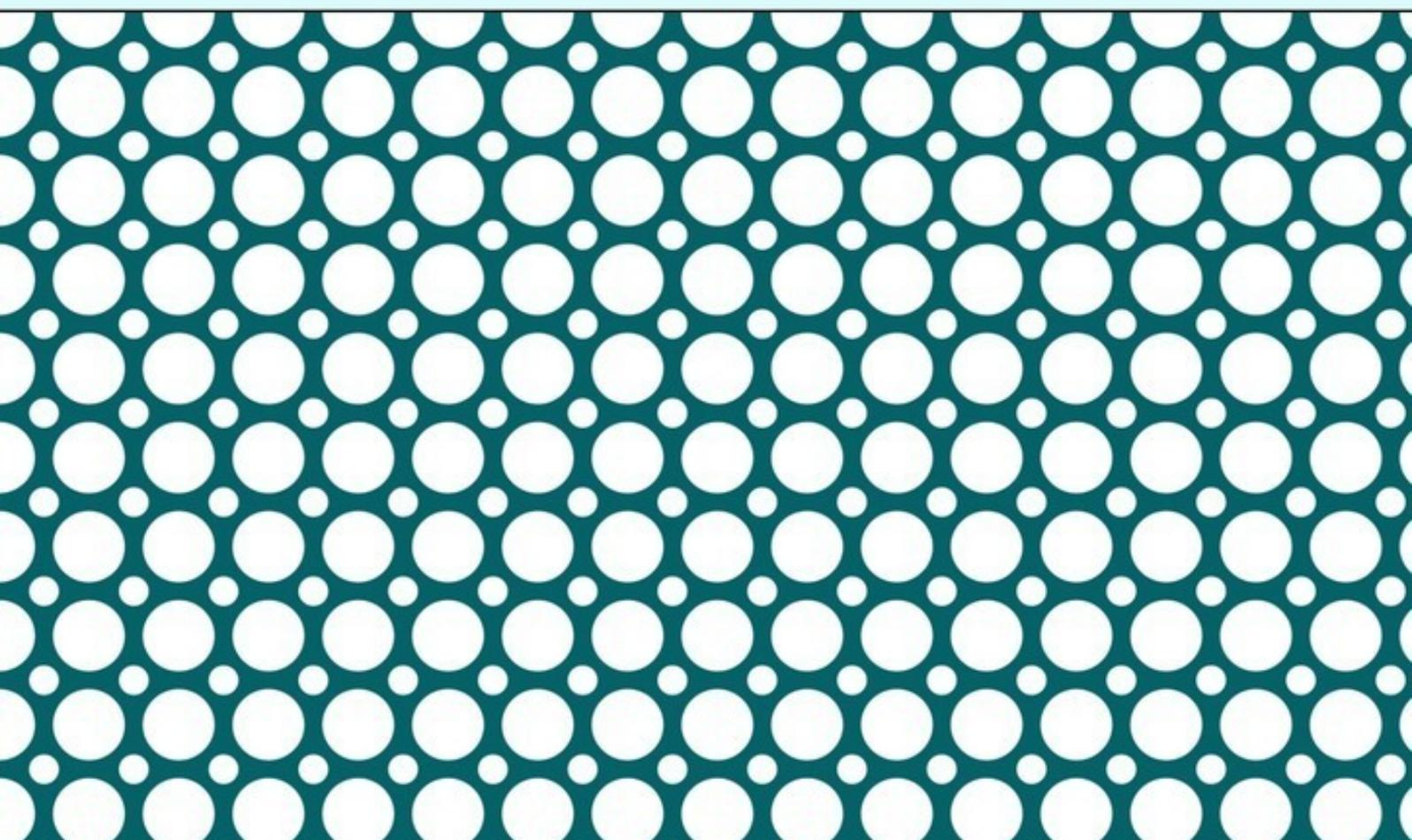

Василий Баранов

*Гадкий утенок.
Сборник
рассказов для
женщин.*

Василий Баранов

**Гадкий утенок. Сборник
рассказов для женщин**

«Издательские решения»

Баранов В.

Гадкий утенок. Сборник рассказов для женщин / В. Баранов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-905320-6

О чем рассказы? О любви. Не слезливой. Герои? Летчик-испытатель, что боится потерять жену. Проститутка поневоле. Убийца. Просто женщина, что хочет ребенка. И готова мужика затащить в кусты. Самоубийца, что убивает смерть. Нищий старик. Молодой калека, готовый покончить с собой. И тот, кто приходит в час смерти. Капитан и его Ассоль. Все это в одной книге. Надеюсь, разнообразие Вам понравится.

ISBN 978-5-44-905320-6

© Баранов В.
© Издательские решения

Содержание

Гадкий утенок	6
Знает долгая ночь	23
Настоящая блондинка	30
Правила игры	40
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Гадкий утенок. Сборник рассказов для женщин

Василий Баранов

© Василий Баранов, 2018

ISBN 978-5-4490-5320-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Гадкий утенок

То взлет, то посадка, сплошные дожди. Сырая палатка и почты не жди.

Я летчик-испытатель. Звание капитан. Женат. Жена Алена. Сын в третьем классе учится. Когда я впервые увидел Алену, то сразу понял, влюбился по самые уши. Не жить мне без нее. Не переживу потери этой женщины. С этого все и началось. Или началось все с маленькой невинной лжи. Мы еще не были женаты. Она знала, что я летчик. Просто летчик. Об испытательных полетах и речи у нас не было, не заходил разговор. Однажды Алена спросила:

– Костя, а летать это опасно? – Я и подумать не мог, как много будет значить в нашей жизни этот вопрос и мой ответ на него.

Мы шли по вечерней улице. Чудесное лето. Сколько раз после вспоминал я тот разговор. На Алене было сиреневое платье. Этот цвет ей очень идет. Темно-синяя сумочка, сиреневые туфли на низком каблуке. Высокий каблук она не носит. Она учитель в школе, целый день на ногах. На высоком тонком каблуке к концу дня на ногах не устоять. Так о чем я? Да, о том вечере.

– Нет, совсем не опасно. – Я рассмеялся. Для меня небо, как для птицы. Без него не могу. Меня еще в летной школе парни звали Гадким утенком. Это за мои выкрутасы в полете. Пару раз чуть не выгнали из летчиков. – Не опаснее, чем на машине ездить. Сколько народа гибнет на дорогах. В небе просторно. Там постараться надо, чтоб столкнуться. Ты, идя на работу, раз в десять рискуешь больше. Ногу подвернуть, собьют при переходе улицы. Или в ванной на мокром полу поскользнешься. Ты посмотри, сколько людей летает самолетами. Что спрашиваешь? Летать боишься?

– Нет, не боюсь, но опасуюсь. Не раз летала, а привыкнуть не могу. Я тут смотрела про наших летчиков фильм. Страшно. – Алена смотрела на меня и улыбалась.

Вы знаете, какая у нее улыбка? Не могу удержаться, хочу целовать эти губы.

– Киношники все выдумывают. Без этого зритель на фильм не пойдет. – Я рассмеялся.

– Я понимаю умом, просто кино. Я высоты боюсь сама. И никогда бы не смогла полюбить человека, рискующего жизнью каждый день. Всех этих десантников – парашютистов, летчиков испытателей. Как можно жить, провожаешь на работу любимого человека и не знаешь, вернется ли домой. Я вовсе не понимаю такой романтики. Целыми днями об этом думать. Бояться подойти к телефону, брать трубку и ждать, что чужой не знакомый голос скажет, ваш муж погиб. Услышать, он уже никогда не придет.

Вот так и появилась в нашей семье тайна, надеюсь единственная. Одна маленькая ложь. Я не сказал, что у меня такая работа, испытывать самолеты. Я не могу отказаться от неба, своей работы и от Алены. Я верил, она не узнает, что бывают сложные рискованные полеты. И проживем мы жизнь в покое. Я боюсь ее потерять. Я просто военный летчик. Тренировочные полеты, я в этом ее убедил, такие же безопасные, как полеты на гражданских самолетах. Сел, дернул за штурвал и взлетел. Никаких сложностей. Я даже не из «Стрижей» или «Русских витезей». Перевожу солдат, грузы военные. Транспортная авиация.

Как-то вечером жена спросила:

– Костя, когда у тебя будет свободное время. Все у тебя дежурства. А?

– А что ты хотела? – Я думал, надо за продуктами по магазинам съездить. Так мы часто ездим. Хотя я и не люблю суеты супермаркетов. В жизни есть вещи, которые не любишь, но делаешь. Мой механик не любит к теще на дачу ездить. Лопатой махать, грядки пропалывать. Он любит с удочкой у реки посидеть. Так на той даче всегда есть более важные дела. Говорил, купаться за сезон раза три сходят и только. На заброшенный карьер. Там все местные купаются.

– В театр бы сходить. Отдохнуть. Мы давно с тобой никуда не ходили. – Смотрит на меня с укором. Виноват, понимаю.

– Так в чем дело? Купи билеты, ходим. – Это она о гастролях какого-нибудь театра узнала. Она балет любит. А я язык танца не понимаю. Ну, прыгают они там здорово. Крутятся на ножке. И быстрой ножкой ножку бьет. Простите за тупость. Как в одной юмористической миниатюре говорилось: ей бы к ноге динамо машину приделать. Пусть электричество вырабатывает. Одна надежда, в драму или оперетту купит билеты.

Но разговор на этом не закончился.

– Четверть кончается. Лето скоро. – Продолжала Алена. – У тебя с отпуском что? Съездить бы, куда всей семьей. Втроем к морю. Ты что скажешь? У тебя отпуск вечно с нашими каникулами не совпадает.

– Алена, это не от меня зависит, а от руководства. Я военный человек.

– А ты попробуй. Попроси начальника своей части, объясни. У него тоже есть жена. Один разочек и отпустят. – Как ей объяснить, многое зависит от графика испытаний. Если испытание серийной машины, то тут от договора на поставку самолета все завязано. А если машина новая, ее только готовят к выпуску в серию, то могут всякие неожиданности быть. Я чаще на таких и летаю. Генеральный конструктор может не отпустить. Пилот должен знать новую машину, ее особенности. Для таких полетов быстрой замены не найдешь. Как раз новую машину выпускают. Мой начальник любит говорить:

– Это как роды ребенка. Тут от нас мало зависит. Ребенок на походе, а ты единственный акушер.

В нашем «родильном доме» сейчас роды идут. Кто меня отпустит.

– Я попытаюсь. – Надежды никакой, но про отпуск поговорю. Мне и самому хотелось уехать с сыном и женой на пару недель, уехать к морю.

Чуть позже мы уложили спать сына, и сами отправились спать. Алена обняла меня, прижалась ко мне. Я обнял ее. Прикоснулся к ее коже. К ее бедрам. Родное тепло, любимый запах. Вдыхал аромат ее волос. Ее поцелуи сводили с ума. После в темноте я смотрел на улыбку на лице любимой. Легко целовал ее грудь. После рождения сына ее груди стали более округлыми. Так удобно лежат они в моих руках. Ее прикрытые глаза и моя мечта, пусть эти мгновения длятся вечно.

За завтраком Сашка начал капризничать.

– Опять овсянка. – Причитал он. – Опять молоко.

Смотрел на меня хитрым взглядом. Так, вновь хочет, чтоб я поддержал его. Не выйдет.

– Саша, это очень полезно. – Алена устало улыбнулась. – Во всех медицинских книгах рекомендуют.

– Алена, придумала бы ты ему что-то другое. – Я, как это бывало не раз, сдался при виде несчастного лица сына. Не могу, он вьет из меня веревки. Воспитатель из меня не получается. – Творожок Данон, апельсиновый сок.

– Хорошо, хорошо, я подчиняюсь воле своих мужчин. – Что-то она быстро согласилась. Не к добру это. Так все и вышло. – Костя, ты не сможешь сегодня Сашу завести в школу.

– А ты обычно его уводишь. Что сегодня? – Сашка учится в другой школе, не там, где работает Алена. Но так, как у нее занятия начинаются позже, сына в школу провожает она.

– У меня с самого утра педсовет назначен.

От судьбы никуда не денешься. Придется внести посильную лепту в воспитание моего ребенка. Больше от меня все равно никакого толка. Первым делом, первым делом самолеты. Ну, а девушки? А девушки потом. Завезу Сашу в школу, после чуть сильнее буду давить на педаль газа. Успею.

– Саша, кушай быстрее. Опаздываем. – Строгий отцовский тон. – Живо едем в школу.

Как, похож на образцового отца? Нет? Так у меня получается. Эта роль мне не дается.

По дороге Сашка болтал без умолку.

– Гриднев за Маринкой сумку таскает. А Маринка ходит, как королева. И вовсе она не королева. Противная, ужас. Мария Николаевна вчера из кабинета директора выбежала со слезами. Сам видел. Сам видел! Директор ее в угол хотел поставить.

Какой же он ребенок. Отчего в детстве нам хочется быстрее вырасти, а став взрослыми мечтаем вернуться в детство. Сашку высадил возле школы и рванул в часть. Первым мне встретился Андрей, мой механик. Мы с ним вместе работаем несколько лет. Отличный парень. И механик, конечно великолепный.

– Как Андрей, синяя птица нынче взмахнет крыльями? – Птицей счастья мы называли каждый наш самолет.

– Нет. Майор сказал, нет. – Выражение досады на лице. – Колдуны опять с ней будут ворожить.

Колдунами он называл представителей завода и конструкторского бюро. Генеральный конструктор мужик гениальный. Так бывало уже. Самолет готов к испытаниям, а он вопреки всякому здравому смыслу задерживает ее. Чувствует, что-то не то. Даст сбой в полете. Аэродинамику самолета видит лучше всякого испытательного стенда. В прошлый раз меня предупредил. На кабрировании может сорваться. Кабрирование, это когда самолет резко уходит вверх. Так оно и вышло. Не прислушайся я к его словам, машину бы погубил и сам разбился. С трудом удержал самолет. Хотел свою удаль показать, но вовремя сдержался. На стенде все шло прекрасно. Как он понял, что при боковом ветре и резком наборе высоты занесет на крыло. При таком раскладе даже очень опытный пилот может оказаться бессилён.

– Что тогда сегодня делать? – Не хотелось сидеть на земле. Ждать и догонять самое противное.

– Ты, говорят, сегодня летишь на звере.

Зверь – транспортный самолет. Испытываем мы его целым экипажем. Так у нас заведено. Ребята хорошие. И дружим не первый год. С женой я их не знакомил. Объяснил, боюсь, они ненароком выдадут мой секрет. Ребята все поняли, посочувствовали. Все понимают. Самолет разбегаётся по взлетной полосе, небо летит на встречу. Обнимая небо крепкими руками, летчик набирает высоту. Я резко начал набор высоты. Целуемся с облаками. Где-то внизу земля. Мы встретимся с тобой земная твердь через пару часов. Закончится прогулка на небеса, вернемся, составим отчет. Зверь в воздухе вел себя хорошо. Мы его укротили. В первые полеты он так не слушался. На этот раз не захотел садиться.

– Костя, командир, шасси не выпускается. – Доложил второй пилот.

– Что? Второй раз попробуй. – Что там могло заклинить. Механизм выпуска шасси стандартный. Испытан не один раз. На старуху проруха. Все было в норме, а тут....

– Нет, Костя. Не идет. Заклинило. – Второй пилот тянул вверх рули высоты. – Что будем делать?

– Сожжем горючее. Все по инструкции. Запрашивай аварийную посадку. – Из-за пустяка машину губить. Явно сегодня не мой день.

Мы кружили над аэродромом. После пошли на встречу с полем. Что ж, будь пухом земля, распашем тебя. Принимай своих сыновей. Корпус ударился о землю. Мы начали резко тормозить. Черт, ремни безопасности я не закрепил. Меня выбросило из кресла. Мой лоб радостно встретился с приборной доской. Спасатели неслись к нам. В тот момент я не понимал, для меня наступили дни гнева богов. Просить безжалостных о помиловании поздно.

Я чуть было не опоздала на педсовет. Директор начал:

– Коллеги, я говорил вам, сегодня у нас комиссия из управления. Так что будьте внимательны, не ударьте в грязь лицом.

– К нам едет ревизор, – проговорил кто-то.

Директор строго посмотрел на говорящего. О, у директора это хорошо получается. Естественно, комиссия. У Матвеевой в Управлении есть подруга. Она нам и сообщила, что директор идет на повышение. Так, что комиссия, это не удивительно. И директор не хочет, чтобы нашли какие-нибудь недостатки. Когда директор закончил и ушел, мы еще обсуждали предстоящий день. Тут я решила спросить:

– Может кто-то знает, кто будет вместо Савельева?

– Ты, конечно, ты, дорогая. – Это Нора. Я не знаю, честно не знаю, почему она так ко мне относится. Ехидная улыбка на губах.

Что я ей сделала плохого. И я не выдержала.

– Что ж, приму это как должное. И уж постараюсь, чтобы кое-кто не портил атмосферу в нашем дружном коллективе.

Я вышла из учительской, громко хлопнув дверью. День тянулся долго. Все были на нервах. Я обрадовалась, когда прозвенел звонок моего последнего урока. Подхватила сумочку и отправилась забирать из школы сына. Сашка ждал меня уже во дворе школы. Мы двинулись домой. Он всю дорогу щебетал. Я была рассеянной, и какая-то внутренняя тревога не оставляла меня. Видимо, сказывались нервы этого дня. Наконец, я все-таки услышала сына.

– Мама, мам, а мы купим хлопья? – Просил Сашка.

– Конечно, дорогой, купим. – Вот так всегда. Опять начал клянчить. Зайдешь с ним в магазин или киоск, увидит, что на прилавке и это тоже будет просить купить.

– А сок? – Так, продолжается.

– Да, естественно, купим. – Не отвяжется, придется согласиться.

– А папе что купим? – Как же забыть любимого папочку.

– Ничего не купим. – Я решила отказать и держаться на этом.

– Почему? – Сын упрявился. Любит отца.

– Пусть кушает овсянку. – А что? Очень полезно.

– За что? – Саша почти обиделся на меня.

– За то, что он ее не любит. – Я рассмеялась.

Наконец мы добрались до дома. Я усадила Саню за уроки, а сама отправилась готовить ужин. Честно говоря, все валилось из рук. Я так и не могла сосредоточиться. Решила, приготовлю самое простое. Поставила вариться щи. Отварила макароны, чтобы приготовить макароны по-флотски, и присела на стул. Тревога не отпускала меня. Я пыталась справиться с собой, но не знаю, не знаю, что-то внутри не давало мне покоя. Вдруг раздался дверной звонок. Кто бы это мог быть? Для Кости рановато. Я пошла открывать дверь. Открыла. На пороге Костя. Я посмотрела на него.

– Боже, что это? – Его лоб был измазан йодом.

Костя бодро переступил порог.

– А это? Это Андрей, криворукий, уронил на меня гаечный ключ. Вот так и получилось. Выбежал сын встречать папочку.

– Папа, а что это у тебя? – Он показывал на лоб.

– Это? Это мы сегодня играли в индейцев. Чингачгук – большой змей.

Алена как-то странно смотрела на меня. Но у меня в голову не приходило никакого объяснения.

– Ну, знаешь, стоял я внизу, а Андрюшка подкручивал гайку. Ключ сорвался, упал. Вообще, я оказался не в том месте и не в то время. – Ну, как еще объясниться. Правду я сказать не мог.

Как я мог рассказать, заклинило шасси. Кружил над летным полем, пока не выжиг весь керосин. Жесткая посадка. И я лбом о приборную доску. Весь вечер я пытался отвлечь Алену от созерцания моего замечательного лба.

– Алена, щи у тебя сегодня удались. А макароны – просто объедение. А что у тебя в школе? Как педсовет прошел?

– Нормально. У нас проверяющие должны были приехать. – Она устало вздохнула.

– И приехали? – Кажется, удалось отвлечь Алену от моей персоны.

– Приехали. Все прошло очень удачно. А у тебя как прошел день? – Взгляд проникает в душу. Не проси, правду не скажу. Боюсь потерять вас. Тебя и сына.

– Очень хорошо. Вот если бы не Андрюшка, так все было бы замечательно. – Рассмеялся. Пытаюсь все свести к шутке.

Я мечтал только о том, чтобы этот день быстрее закончился, и внимание Алены переключилось на что-нибудь другое.

– Слушай, я виноват. – Боже, я только сейчас вспомнил о театре. Не до него мне было.

– А что случилось? – Алена убирала со стола.

– Не заехал в театр, не купил билеты. – Виновато вздыхаю. Хотя вины за собой не чувствую.

– Я так и знала. Так, что заранее купила билеты. – Она качает головой.

– Какая ты у нас умница. И что, когда мы идем? – Отвертеться от похода в театр не получится.

– Послезавтра. Ты не против? – Смотрит на меня.

– Нет. Не против. А что там будет? – Изображаю заинтересованность. Господи, только не балет.

– Премьера. – Премьера чего, она мне так и не сказала.

На следующий день удача решила меня побаловать, повернулась ко мне лицом. С утра я обратился к командиру, нашему майору.

– Товарищ майор, можно мне завтра уйти пораньше?

– Что-то случилось? – Не любит мой начальник, когда отпрашиваются.

– Да, жена купила билеты в театр.

– Вам бы капитан все развлекаться и развлекаться. В тот день, когда вся страна, весь народ... – Майор рассмеялся. – Ой, сам не первый год женат. Знаю, что это такое. Если, моя, что удумает, то все. Отправляйтесь, капитан, в свой театр. Иначе жена подрежет вам крылья.

Позволил мне удалиться. Второй счастливый момент ждал меня в столовой. Я заметил там Риту. Нашего кадровика. И поспешил подсесть к ней.

– Капитан, – улыбнулась Рита, – вы, наконец-то, решили обратить на меня внимание. Только боюсь, в корыстных целях.

Рита у нас догадливая. Умная. Умная и красивая. Опасное сочетание для женщины.

– Рита, должен признаться, да. – С ней лучше быть честным.

– Что ты хочешь? Давай, говори, не тяни. – Рита заканчивала обед.

– У меня отпуск в ноябре. А у жены летом. Мы давно семьей никуда вместе не ездили. Можно перенести? – Я с мольбой смотрю на нее.

– Не знаю, не знаю. Надо подумать. – Набивает себе цену.

– Рита, я сделаю для тебя все, что ты хочешь. – Легкомысленное обещание. Этим я загнал себя в ловушку.

– Все? – Испытующе смотрит на меня.

– Ну, конечно, Рита, – Коготок увяз, всей птичке пропасть.

– Так, что я хочу? Поход в ресторан. – Дело сдвинулось.

– Хорошо. – Глупо не согласиться.

– Нет, вначале обед в кафе. Это будет проверкой. – Задача усложняется. Но это приемлемо.

– Проверкой чего? – Я чуть удивлен.

– Достоин ли ты вести меня в ресторан. – Рита коварно улыбается.

– Ладно, как скажешь. – Ох, эти женщины. Непредсказуемы.

– А потом мы пойдем в ресторан, если ты достоин. – Опять улыбка.

– А что так? – Вот, зараза, бывают такие бабы.

– Я купила новое платье, а пойти в нем некуда, да и не с кем. Своего я выгнала к чертям собачьим, вот платье и висит в шкафу. Хотелось бы куда-нибудь сходить в нем. – Призналась Рита.

– А ты бы в нем сюда пришла. – Кто ей запретит. Женщина и кадры ей подчиняются.

– Ты что, капитан, с ума сошел. Ты представляешь меня в вечернем платье на летном поле? – Отпила кофе. Рассмеялась.

– Представляю. Ни один самолет в этот день не взлетит. Парни все будут сидеть на земле, и глазеть на тебя. – Кажется, не плохой получился комплимент.

– Вот именно. Вот именно. У меня вся надежда на тебя, Костя.

– А у меня вся надежда на тебя, Рита. А то моя тоже меня выгонит ко всем чертям собачьим. – Я рассмеялся, хотя было не до смеха.

– Хотела бы я посмотреть на ту женщину, которая такого мужика, как ты, выгнала к чертям собачьим. – Вот, получил ответный комплимент.

– Но ты- то своего выгнала.

– Ну и что. Выгнать то выгнала, а ведь знаю, что прощу. Что приму обратно. Вот так, капитан. Дуры мы, бабы. – Рита встала, пошла к выходу. Оглянулась.

– Я посмотрю, капитан, что можно сделать. На днях скажу. Ладно?

– Договорились.

Вот так, удача иногда улыбается нам.

В день, когда мы пошли в театр, я купил цветы. Преподнес их Алене. Она была счастлива, как ребенок. Мы смотрели Кассоне «Деревья умирают стоя». Это был обворожительный вечер. Просто чудо. Но это было и началом черной полосы.

В субботу мы отвели Сашу в школу, и пошли с Аленой по магазинам. Я не люблю шляться по магазинам. Попутно мы зашли в несколько туристических агентств. Прихватили каталоги. Решили дома в свободную минутку выбрать, куда отправится в отпуск. Купили Сашке роликовые коньки. Потом Алена мне говорит:

– Ты забереешь Сашу из школы. А я бы к девчонкам смоталась.

– Ладно. – Что теперь делать.

Я занес домой сумки. Забрал Сашку из школы. Мы пришли домой, и я попытался усадить его за уроки.

– Папа, может, я завтра сделаю уроки. – Так всегда. Думаю, это свойственно всем детям.

– Завтра у тебя будет целый день свободен, если сегодня сделаешь уроки. И мы с тобой пойдем кататься на роликовых коньках.

Пытаюсь подкупить Сашку.

– Смотри, какие мы с мамой купили коньки. – Я достал их и отдал.

Этот довод немного подействовал на моего сына. Как ему объяснить... Я, конечно, понимаю, что завтрашний день это все равно, что журавль в небе. Отдыхать сегодня – синица, но в руках. И пускай только снится ничего не суля, выпускаю синицу и ловлю журавля. Пока Саня делал уроки, я маялся бездельем. Мой взгляд наткнулся на фотоальбом. Я решил его полистать. Давненько не открывал. Мы его вместе с Аленой составляли. На первой странице она. В первых классах, вот постарше, а вот в институте. Ничего девчушка. Если б я был знаком с ней в школе, то таскал бы ее портфель. А вот это я. Так же с первых классов. И вот постарше. Ну и рожа. Прыщавая. Переходный возраст. Вот уж точно, гадкий утенок. Вот я в летном училище. Переходный возраст ушел, с ним ушли прыщи. Гадкий утенок тоже ушел, но не стал прекрасным лебедем. Морда не самая отвратная. Зачем так себя хаять. Я так и так повернул фотографию. Вроде ничего, сносно. А это что? Наши свадебные фотографии. Отличная пара.

Даже я смотрю на фоне Алены. А это? Господи, это же Сашка. В колыбели, бутуз ты мой. Надо же. От фотографий меня отвлек Саня.

– Папа. У меня тут это, задача не решается.

Пришлось поставить альбом на место и идти, помогать сыну, покорять вершины наук.

Алена вернулась домой, когда мы еще боролись со школьными задачами.

– Ну, что, как провела время? – Я спросил, оторвавшись от решения школьных задач.

– Ой, отлично.

– Что делали? – Пусть отчитается перед мужем.

– Сидели, болтали. – Алена развела руками.

– Значит, мужьям перемывали кости. – А что еще могут делать женщины, собравшись вместе?

– Да нужно нам. Только бы о вас и говорили.

– Не нам, так любовникам перемывали кости. – Пошутил я.

– Какие гадости ты говоришь, Костя. Это вы, мужики, как только встретитесь, все о бабах и о бабах. У нас есть другие интересы. Мы о разном говорим. Как и что сшить. Приготовить. Ой, я побежала на кухню. А то вы у меня останетесь голодными.

В воскресенье, как я и обещал, мы с Сашей пошли учиться кататься на роликовых коньках. Я люблю воскресенье. Это день, когда я ем, ем и ем. Который раз захожу на кухню.

– Алена, а у нас что-нибудь пожевать есть? – Этот вопрос я задаю уже третий раз. Еще четыре часа вечера, а снова на кухне.

– Слушай, может, ты перестанешь постоянно жевать.

– Алена, ты помнишь, что произошло, когда цыган отучал лошадь есть? Она копыта отбросила.

– Вот и отбрось копыта, Костик. – Вот, получил.

– Нет, копыта я отброшу попозже. Ближе к ночи на кровати. С томиком Гарднера, допустим.

– А я, честно, сейчас бы возле плиты отбросила копыта. – Призналась Алена.

– Ладно, иди, отдыхай. Я сам что-нибудь в холодильнике найду. – Пусть, действительно, отдохнет.

– Господи, сделаю я тебе что-нибудь сейчас. Сделаю. Приготовлю. Нагрузка ты моя выходного дня.

– Вот, обузой обозвали. – Шутливо обижаюсь.

– Так ведь не чемоданом без ручки. И не обузой, а нагрузкой. Разницу улавливаешь? – Училка. И мужа поучает.

– Нет. Я не разбираюсь в ваших тонкостях.

– И не надо.

Вот так мы провели выходные дни.

Понедельник. Ой! Я чуть было не проспал. Соскочил и рванул в любимую родную воинскую часть. С утра меня вызвал майор.

– Капитан, тебе важное задание. Сейчас возьмешь четырех пассажиров и доставишь их вот сюда. – Майор показал мне пункт на карте. – Тут пара часов лета. Доберешься, подождешь их. Вернешься сюда. Постарайся не позднее четырех часов. Ровно в шестнадцать часов. По прибытии ты должен полностью забыть об этом рейсе. Понятно?

Мне было приказано, когда стану возвращаться назад, держать связь лично с ним. Все это было на контроле у высокого начальства. Я пошел грузиться в самолет. Там уже крутился Андрей.

– Привет, Костя. – Куда бы я без него, своего механика. Ему лет сорок. Крепкий мужик. И друг.

– Привет, Андрюша. – В ответ улыбка.

– Что, тренировочный полет? – Мой механик хочет знать, отчего я сегодня лечу на стандартной машине.

– Да, тренировка. – Даже другу не стоит все говорить.

– И куда это ты собрался «тренироваться»? – Любопытный черт.

– Андрей, это .... Четырех мужиков надо свозить на рыбалку. – Вру. А что делать?

– Ага, на рыбалку. Без удочек.

– Ну, да, на рыбалку. Начальство любит то оленей пострелять, то еще чего. А нам головная боль.

– Темнило ты, Костя.

– Да я так....

Через полчаса подъехала машина. Выгрузились четыре мужика. Я встретил их у трапа. Поздоровался. Они хмуро ответили мне: здравствуйте. Мы поднялись в самолет и взлетели. Не знаю, что делали мои пассажиры в салоне. Дверь была закрыта. Обычно в полете два летчика, но в этот раз я вел машину один. Майор настаивал: не надо большой огласки. По хмурым лицам пассажиров я понял, это так. Я даже был рад, что дверка кабины отгораживает меня от этой хмурой четверки. Через два часа мы приземлились в аэропорту назначения. Подъехала машина, чтобы забрать этих мужиков. Один из них, видимо старший, сказал:

– Командир, жди нас здесь. Никуда не отлучаться. А вот этот, – из машины вышел еще один хмурый товарищ, – будет всегда с тобой, чтобы знать, где ты. Когда будем подъезжать обратно, позвоним ему. Что б вы были готовы к вылету. Все понятно?

– Понятно.

Четверка уехала. Хмурый мужик, оставшийся со мной, смотрел на меня, как бы спрашивая, чего делать то будем.

– Я бы пошел выпить кофе. А ты? – Предложил я своему сопровождающему.

– Пойдем. – Хоть бы мускул на лице дрогнул.

– А тебя как зовут? – Спрашиваю я.

– Называй Николаем. – Имя явно выдуманное. Ну, и пусть.

– А я – Костя.

По пути я купил газету. Чтобы не скучать. Мы зашли в кафетерий. Сели за столик. Я заказал кофе. Решил попытаться поболтать с этим Николаем.

– Николай, а до города здесь далеко?

– А зачем тебе до города? – Николай напрягся.

– Да не надо мне в город. Я просто так, завязать разговор. Узнать. Может, что интересное в вашем городе есть.

– У меня характер такой молчаливый. И фамилия у меня Молчанов. Подстать характеру. – Фамилию выдумал или все же настоящая.

– А.... А моя фамилия – Скворцов.

– Ясно. Только ты меньше чирикай обо всем этом. – И что они постоянно предупреждают о секретности.

– Скворцы обычно поют по весне. О любви. О другом мы не поем. Не чирикаем. И потом, знаешь, Николай Молчанов, командир послал меня, зная, что у меня есть одна болезнь.

– Какая?

– Амнезией страдаю. Иногда, вот так вспомнить ничего не могу. Очень полезная болезнь. – Надеюсь, теперь эти товарищи успокоятся.

– Болезнь неплохая. – Согласился Молчанов. Усмехнулся.

Мы недолго с ним разговаривали. Николай все больше молчал. Пили кофе, гуляли возле аэропорта. Я понял, что под охраной. Надежной охраной. Николай сопровождал меня даже в туалет. Было впечатление, что я – арестант. Несколько неприятное ощущение. Время близилось к двум часам, а моих пассажиров все еще не было. Откровенно говоря, я начал нервни-

чать. Я помнил приказ майора прибыть в шестнадцать ноль ноль. Наконец, зазвенел сотовый моего молчуна, и мы отправились к самолету. Вскоре подъехала машина. Мои хмурые пассажиры вышли. С ними был пятый. Не скажу, что он был более веселым. Тем более, что его рожу украшал великолепный фонарь. Мы поднялись на борт. Я убрал трап. Запросил у диспетчера разрешения на взлет. Диспетчер сказал:

- Командир, там впереди грозовой фронт.
- Мне все равно, надо лететь.
- Хорошо. Под твою ответственность. Разрешаю взлет.

Мы вылетели. Я соединился с майором. Сказал, что вылетели. Описал обстановку: впереди грозовой фронт.

- Майор, может быть, я обойду этот фронт?
- Ты не успеешь, Костя.
- Хорошо, майор. Я попытаюсь прорваться.

Я открыл дверь в салон и объяснил мужикам обстановку.

Те посмотрели на меня. Старший говорит:

- Что ж, летим командир.

Мы шли в сторону грозы. Минут через сорок я увидел этот грозовой фронт. Сверкали молнии. Нас начало трясти. Старший из моих пассажиров вошел в кабину. Он смотрел на эти молнии и молчал. После спросил:

– Что будем делать? – До мужиков стало доходить вся серьезность обстоятельств. Поняли, чем рискуют.

– Попробуем прорваться. Подняться выше. А если не получится, господа хорошие, не обессудьте. Попытаюсь набрать высоту, если машина выдержит. Займите свое место. Пристегните ремни.

Я понимал, на такой высоте машина может оказаться неуправляемой. Мы можем сорваться в штопор. Двигатели надсадно ревели. Самолет болтало из стороны в сторону. Но забраться выше облаков мне не удалось. Сплошная облачность. Я время от времени оглядывался на своих пассажиров. Дверь кабины осталась открытой. Хмурые ребята еще как то держались. А пятый, с фонарем... Его постоянно тошнило. Это и понятно, при такой болтанке. Я уговаривал машину:

- Давай, мы с тобой преодолеем это.

Мы вышли из грозы. Но нас изрядно потрепало. И топлива было в обрез.

– Давай, родная, еще немного. Дотянем. Ты же не подведешь меня, птичка моя. Не подводи, – уговаривал я самолет. – Еще чуть, чуть. Мы дотянем до посадочной полосы.

Я даже не заметил, что командир моих хмурых пассажиров снова стоит у меня за спиной. Показалась посадочная полоса нашего аэродрома.

– Сейчас мы сядем. Тебе дадут зернышек. Отдохнешь, моя птичка. Мы летели. Не знаю, на чем мы летели. По показаниям приборов топливо у нас кончилось. Шасси моей птички коснулось земли. Тут я услышал голос старшего из хмурых:

- А ты молодец, командир. Спасибо за полет.
- Не за что.

Я был полностью измотан. Уронил голову на штурвал и прошептал:

- Это ты у нас молодец, пташка моя.

Потом поднялся и пошел опускать трап. Мои пассажиры вышли. Я следом за ними. Пошел доложить майору о полете.

- Как прошел полет, капитан?
- В штатном режиме, товарищ майор. – А что еще я мог сказать?
- Чувствую, в штатном режиме. Молодец, Костяй. Садись.

Я присел.

– Ну, что коньяка плеснуть?

– Нет. Меня и без него из стороны в сторону болтает.

– Представляю. Сейчас езжай домой. Отдохни. Завтра можешь немного опоздать. Иди. Я вышел. Да, разрешение немного опоздать от нашего майора, это все равно, что получить орден боевого красного знамени. Тут появился Андрей.

– Костя, привет. Мы следили за вашим полетом. Ты молодец, Костя. Вот, держи. – Он протянул мне ящичек. – Это дрель. Если что подремонтировать. Пригодится. Дарю.

Я уставился на Андрея. У него выпросить что-то из инструментов хоть на день просто невозможно. А тут, дарит.

– От сердца что ли, Андрюша, отрываешь?

– Ничего не отрываю. Не хочешь, не надо. – Андрей надулся.

– Ладно, Андрей, спасибо большое.

– Бери, – Андрей улыбнулся.

Я взял дрель и поехал домой. Этот утомительный день для меня почти закончился.

Придя домой, я похвастался Алене дрелью.

– Это мне Андрей подарил. В качестве компенсации за гаечный ключ. – Сам мысленно себя похвалил, надо же какой я хитрый. Гадкий утенок.

– Клади свою дрель. Переодевайся, мой руки, и за стол. Я сегодня твой любимый суп из баранины сварила. И котлетки.

Я сел за стол. Но честно, я так устал, что еле пытался есть. Алена сидела напротив меня. Смотрела.

– Что-то случилось, Костя? Ты плохо ешь.

– Так. Просто устал. – Я чудом вышел из грозowego фронта. Чуть измени курс, и Алена осталась бы вдовой. Сын сиротой.

– Трудный день был? – Чего спрашивает, и так видит.

– Обычный штатный день. Полетали немного. – Святая ложь.

– Что-то по тебе не видно, просто полетали. – Хмурится.

Поковырял котлету и отправился спать.

На следующий день в часть я явился без опоздания. Полдня обычной рутинной работы. В обед меня вызвал майор.

– Капитан, сегодня можешь ехать домой. Отдыхать. А завтра начнешь учить летать нашу «Синюю птичку».

Ура, – подумал я, – наконец-то свершилось.

– Есть, – ответил я.

Позвонил Алене, что я заберу Сашу из школы. Я сегодня рано возвращаюсь. Поехал домой. Алене сказал, можешь не торопиться, все будет в порядке. Забрал Сашку. Шли с ним домой отдыхать.

Это здорово, получить немного свободного времени. Я не торопилась домой. Это как-то меня расслабило. По дороге я присела на скамейку, прикрыла глаза и подставила лицо яркому солнцу. Не знаю, сколько я так просидела, как услышала:

– Аленка, ты что ли?!

Открываю глаза, Федька. Ну, Федор. Мой одноклассник. Мы после школы не виделись несколько лет. Его родители разошлись. Мать уехала в другой город и увезла его с собой. Он не приезжал на наши встречи одноклассников. А тут вдруг объявился. Он подсел ко мне, и мы начали вспоминать наши школьные годы. Рассказывать, как жили эти годы. Я поведала ему то, что знаю об наших одноклассниках. Вот так, время быстро пробежало. Я посмотрела на часы.

– Ой, Феденька, я опаздываю. Мои мужики останутся сегодня без ужина.

– Алена, давай, я тебя подвезу. Быстрее будет.

Кто ж отказывается от таких предложений. Я села в машину, и мы поехали ко мне домой. По дороге мы болтали, смеялись. Когда машина остановилась возле моего подъезда, я выскочила из машины и побежала к подъезду. Федька меня окликнул:

– Алена, а телефончик?

– Ой, что же это я. – Я вернулась к машине. Наклонилась к окну водителя. – Давай блокнот, напишу.

Быстро написала номер своего сотового телефона. Федя дал мне свою визитную карточку. Мы обменялись телефонами. Я снова направилась к своему подъезду. Машина не отъезжала. Я обернулась. Смотрю, Федя еще стоит на месте. Я махнула ему рукой, послала воздушный поцелуй, развернулась и побежала домой.

Я стоял на балконе и курил, ожидая, когда придет наша мама. К подъезду подошла машина. Смотрю, из нее выпорхнула знакомая фигура. Вот, приехала наша мама. Но мама вдруг развернулась, вернулась к машине. Наклонилась к водителю. Так, теплое прощание. Это уже интересно. Потом она пошла обратно. Развернулась, махнула рукой, послала воздушный поцелуй. Физического, значит, уже мало, решил я. Оказывается, у нас в семье есть еще одна тайна. Меня охватила злость, ревность. Но я сдержал себя. Я ничего спрашивать не буду. Пусть будет так. Я промолчу. Я принял твердое решение. Внутри все кипело. Алена вошла в квартиру. Веселая, счастливая.

– Как провела время? – Глупый вопрос. В постели с мужиком. Чужим. Новые впечатления. Потрясающе! С волшебником в постели. Наскучил муж. Какая развлекуха!

– Ой, замечательно. Спасибо, что забрал Саню. Я сейчас что-нибудь приготовлю.

Она даже не обратила внимания на мой хмурый вид. Весь вечер молчал, пытался сдерживать себя. Мы легли спать. Я сразу же отвернулся от Алены. Не хочу женщину из объятий другого мужчины. Не нищий, есть объедки с чужого стола. Она пыталась прикоснуться к моему плечу. Я стряхнул ее руку.

– Отстань.

– Ну, хорошо. – Растерянно ответила Алена.

Всю ночь я не мог уснуть. Я боролся с собой. Мне рисовались самые ужасные картины. Алена в объятиях другого мужчины. Я пытался убедить себя, все это не так. Все это – дурной сон. Этого не может быть, потому что быть не может. В половине шестого я просто не выдержал. Я встал, начал одеваться. Алена проснулась.

– Ты куда, Костя?

– На работу, – буркнул я.

– Я тебе сейчас чай поставлю.

– Да спи уж. Я сам.

Естественно, никакого чая я не пил. Я оделся, выскочил на площадку. Спустился на пол пролёта вниз. Остановился. Ударил кулаком по стене. Прижался к стене лбом. Застонал. Мне было невыносимо больно. Все. Все! Это случилось.

«Кончай. Кончай переживать, грязная утка! Работать пора». Сел в машину и рванул с места. Хорошо, что в этот ранний час нет гаишников. Уж они-то меня тормознули. Со скрипом колес об асфальт я остановился возле нашей части. Заглушил двигатель и пошел переодеваться, готовиться к полету. Какой денек. Я пытался взять себя в руки. И это мне почти удалось. Перед вылетом подошел майор.

– Что, капитан, готов нашу «Синюю птичку» учить летать?

– Так точно, готов. – А в голове одно: изменила. Тупая боль в висках и сердце. Высота. Рухнуть с этой высоты. Высоты моей любви. И она будет свободна для новой любви, нового чувства. Надо, парень, надо. Если ты любишь ее. Сын. Это удержало меня.

– Ты смотри, Костя, без выкрутасов. Надо просто посмотреть, как она взлетает, немного продержаться в небе. Без всяких выкрутасов. Потом доложишь. – Ах, командир! Что тебе до моей боли.

Я сел в самолет. Разбежался по взлетной полосе и пошел в небо. Птичка, смотри какое небо. Я научу тебя летать. Мы с тобой покорим его. Ты и я. Мы одолеем все. Я летел и тихо разговаривал со своей «Синей птичкой». В какой-то момент мне показалось, что машина отозвалась. Ответила мне. Это было радостное чувство полета, полного контакта. В эти минуты, когда я был в небе, я забыл о боли, которая жила в моем сердце. Мы приземлились. Я пошел к майору. Сообщил, что машина в порядке. Ведет себя в небе хорошо. После пошел к Рите.

Совместный отпуск для меня был более актуальным. У меня оставалась смутная надежда, что я увезу жену в отпуск, и она забудет своего ухажера. Рита сказала, пока все в работе. Ничего утешительного. Как только что-то будет ясно, она мне сразу позвонит. Я был свободен и мог ехать домой. Но я не поехал сразу домой. Просто не мог. Я остановился возле тротуара. Сидел, обняв руль руками. Пытался ни о чем не думать. Еще недавно, полет на «Синей птичке» был бы для меня праздником. А сейчас меня ничего не радовало. Наступил час, когда надо возвращаться домой. Я вернулся. Мне не пришлось объяснять жене, отчего мое лицо сияет, что за радостное событие произошло. Мое лицо не сияло. Я что-то бурчал в ответ на ее вопросы. Пытался отгородиться от нее. После ужина я сел к телевизору. Может быть, этот ящик отвлечет меня от забот. Алена мыла посуду. Тут раздался звонок. Я взял свой сотовый. Это была Рита.

– Рита? Что?

– Костя, почти все удалось. Я подготовила документы. Завтра подойдешь, подпишешь, и попытаемся провести приказом. Только своей пока не говори. Я суеверная.

– Вообще, я тоже суеверный. Глядишь, у нас все получится. Риточка, золотко, – это была единственная сегодня радостная весть, – это же замечательно. Обязательно завтра прибегу к тебе. Целую, до встречи, родная.

Положил трубку.

Я мыла посуду. Струя была не сильная. Дверь кухни открыта. И я услышала этот разговор. Риточка. Целую. У меня тарелка чуть не выпала из рук. Вот его задержки. Вечные полеты. Полеты с Ритой в постели. Вот, они мужики. Все они такие, а я не верила. Кобелины проклятые. Хотелось плакать. Но я сдержалась. Я вытерла тарелки. Сказала, что пойду, искупаюсь. Закрылась в ванной, пустила воду и, сидя на краю ванной, начала горько плакать. Дожила. Костя завел другую. Лучше. Возможно. Моложе. Вот, причина его занятости. Вечно занят, вечно на работе. Так оно и бывает в жизни, думалось мне. Я теперь ему не нужна. Легла в постель, отвернувшись от Кости, охваченная своими горькими мыслями.

Я лег. Надо хоть немного поспать. Отвернулся от Алены. Пытался уснуть. Прислушался к ее тяжелому дыханию. Да, наверное, спит и видит, как этот ее обнимает. Вот и дышит так. Приступ страсти. Недаром говорят, пока женщина с печи падает, она семь раз мужика обманет. Эта уже успела, обманула меня с другим. Так-то, парень.

Утром я заскочил в отдел кадров, подписал бумаги. А Ритка мне напомнила:

– Я выполнила свою часть уговора. Теперь твоя очередь.

– Ладно, когда?

– Завтра днем. Я отпрошусь у майора. Ты у своих. Съездим в кафе, а после решим с рестораном.

– Идет.

Так мы и сделали. На следующий день я сказал, что мне надо зайти к сыну в школу. Я отлучусь на пару часов. И мы с Ритой поехали. Вначале заехали к Рите, она переделалась. Мы выбрали небольшое уютное кафе. Уютный столик у окна. Я слушал Риту. Она рассказывала мне о своих непростых отношениях с мужем. О том, о сем. Иногда она горячилась, иногда

улыбалась, шутила. Я слушал и не прерывал ее. Может, в ее истории искал часть своей истории. Мы были увлечены. Сидели так около часа. Потом вернулись в часть.

Я шла по улице, опустив голову. Думала о том, что у Кости появилась Риточка. Такая она, жизнь. Смотрела в витрины магазинов. Бесцельно, только отвлечься от горьких мыслей. И тут я увидела. Там, в кафе, сидел Костя с женщиной. Сердце ударило в груди. Это Рита. Они о чем-то горячо разговаривали. Смеялись. Спорили. В первый момент я хотела войти в кафе и оттащить эту Риту за волосы. Потом решила, не стану унижаться. Я убежала. Смотри, дура, своими глазами увидела. А ты пыталась не верить. Вот они, задержки на работе. Для меня нет времени, а для Риты всегда, пожалуйста. Тебе, Алена, достаются объедки с чужого стола. Нельзя мужикам верить.

Я вернулся домой в гнетущую атмосферу. Между нами висела стена отчуждения. Даже Саша почувствовал, что что-то неладно в доме. Пытался нас разговорить, развеселить. Но напрасно.

Следующим вечером я задержался. Мы ходили с Ритой в ресторан. Платье у нее было потрясающее.

– Ты права, в таком наряде на взлетную полосу не явишься.

– А я что тебе говорила. – Длинная юбка, оголенные плечи, локоны волос.

– А что там у тебя с твоим? – Она любит своего мужика. В этом я уверен.

– Ничего хорошего. Я пока не решила. Нет, решила, но пусть немного помучается. Пусть это будет для него уроком.

Мы танцевали. Выпили по бокалу шампанского. Просто болтали. И о наших сослуживцах. Мелкие сплетни и уколы. Было весело. Отвез Риту домой, поехал к себе. Этот вечер мне помог отвлечься от своих переживаний. Мы больше решали проблемы Риты. Дома ничего к лучшему не изменилось. Мы так же угрюмо смотрели друг на друга. По большей части старались друг друга избегать. Было просто невыносимо. Я решил соврать.

– У нас в части учения. Я буду на службе. Вы не скучайте тут без меня. – Я просто трусливо сбежал. В выходные сидел в части, ожидал, не зная чего.

Костя пришел поздно вечером. Опять задержался на работе. На этот раз от него пахло не бензином, а духами. Дорогими женскими духами. Еще одно подтверждение моих догадок. Какие догадки, это не было догадками. Это была полная уверенность. Я все поняла. А теперь еще эти учения. Учения с Ритой. Поедут куда-нибудь на выходные. Подальше от постылой жены. На следующий день я позвонила Ольге, своей лучшей подруге. Обрисовала ситуацию.

– Оля, выручай. Мне надо уйти от него, а куда не знаю. К маме не хочу. Можно, мы с Сашей проживем какое-то время у тебя?

– Конечно, у меня квартира пустует. Мы с мужем в коттедже живем. Вот и разместитесь здесь.

– Можно?

– Всегда рада тебе помочь.

– Только, Оля, ты никому не говори, что я у тебя. Я не хочу, чтобы он меня нашел. Даже если будет искать. Хотя, вряд ли.

– Ладно, ты не расстраивайся. Аленка, все образуется.

– Спасибо, Оля.

На следующий день мы с Сашей переехали в квартиру Ольги. Я спряталась там от своей боли. От своей тоски. Саша пытался узнать, что случилось. Не знала, что сказать. Потом решила.

– Сашенька, милый, пойми, мы не нужны больше папе. Не нужны.

Он смотрел на меня, широко раскрыв глаза. С выражением ужаса на лице.

– Ничего, мы с тобой вдвоем. Нам будет хорошо. Правда, Саша?

– Да, мама.

Я вернулся домой в понедельник вечером. Звонил в дверь, но никто не открыл. Пришлось искать ключи. Куда это они ушли? Прошел в комнату. На столе на видном месте записка.

«Я ушла навсегда. Не ищи нас. Алена». В глазах потемнело. Я опустил на стул. Так, он все-таки опередил меня. Увел от меня. Что ж. Прилетел прекрасный белый лебедь и увел от гадкого утенка. Как мне теперь с этим жить? Как? У меня осталось еще небо. Как-нибудь. Будем летать. Летать, летать. И потянулись мои дни. И ночи. Ночи, когда я ложился спать. А рядом лежало безмолвное одиночество. Безмолвная тоска. Только она заполняла мои ночи. Вначале я пытался звонить подругам. Маме Алены. Потом решил, это все напрасно. Учебный год закончен. В школе я ее не мог найти. Она не хочет видеть меня. У нее сейчас медовый месяц. Пусть. Пусть, твердил я себе. У меня были полеты. Но все видели, со мной творится что-то не то. Если раньше я на Андрея никогда не кричал, то сейчас постоянно срывался. И на «Синюю птичку» срывался. Ругал, бранил. Бил кулаком по приборной доске. Не знаю, как жить дальше.

Однажды Андрей спросил:

– Костя, что происходит. Ты сам не свой.

– Отвяжись! Ходите тут! Надо думать о полетах, а вы занимаетесь, черт знает чем!

– Костя, ты чего? Я хотел.....

– Вот и хоти дальше!

Моими спутниками стали отчаяние. Ревность. Тоска. Временами я хотела позвонить ему. Потом отказывалась от этой мысли. Снова хотела позвонить, но как представляю, что он берет трубку, обнимая свою Ритку, отвечает мне сухим чужим голосом. Не буду звонить. Позвоню. Не стоит звонить. Так и металась. Это были кошмарные дни. Мои нервы были на пределе. Иногда заезжала Ольга. И я горько плакалась ей в жилетку. Она пыталась меня успокоить, но покой так и не приходил. Жизнь для меня закончилась.

Наступил день полномасштабных испытаний. Мы взлетели. Начался большой полет.

– Птичка, покажем, как мы научились летать.

– Попробуем, – откликнулась птичка. И мы летали.

Потом птичка сказала:

– А ты ведь не любишь меня, Костя.

– Люблю. Что ты, птичка?

– Не любишь. По крайней мере, так, как я люблю тебя.

– Птичка, ты у меня единственная. Ты моя лебединая песня. – Говорят, лебеди однолюбы.

– Ты любишь ее, а не меня. У меня в сердце незаживающая рана.

– Тебя подлечат.

– Уже поздно. – Машина перестала слушаться меня.

Я не знал, что делать.

– Ну, давай. Давай, родная. Еще немного, у нас все получится.

– Костя, я погибаю. Прыгай! Оставь меня.

– Нет. Нет, птичка. Я с тобой до конца.

– Прыгай, я тебе говорю.

– Нет.

– Костя, ты должен. Ты должен остаться жить. Это моя доля, а не твоя.

– У нас с тобой общая доля.

– Костик, сейчас я дотяну до деревьев. Удар о них может смягчить наше падение. Я хочу, что б ты жил.

Последнее, что я помню, скрежет ломающихся крыльев. В себя я пришел уже в больнице. Не знаю, сколько я пробыл без сознания. Наконец, я открыл глаза. Попытался осмотреться по сторонам, почувствовать ноги, руки. Вроде, все на месте. Появился доктор.

– Как себя чувствуете, больной?

– Спасибо, доктор. Кое-как.

– Ничего. Мы вас тут немного заштопали. Теперь вы поправитесь. Все будет хорошо.

– Доктор, а я смогу летать?

Доктор почесал голову.

– Вообще-то я бы не стал вас выпускать в небо.

– Почему?

– Нечего там делать шальным мальчишкам.

– Я не шальной, доктор. Я просто не могу не летать.

– Сможешь. Сможешь. Только если еще раз попадешь в мои руки. Я разрежу тебя скальпелем на куски. Понял? – Доктор повернулся и пошел из палаты. Оглянулся. – Хотя я и сейчас тебя неплохо покромсал. Лежи, поправляйся.

И вышел. Я был счастлив. Небо не отняли у меня.

Я сидела в кресле, когда раздался звонок. Взяла трубку.

– Алена? Алена Скворцова?

Вот он, этот чужой голос. Он настиг меня. Сердце остановилось. Я все поняла.

– Нет! Нет!!! – Я бросила телефон об стенку. Только, чтобы не слышать этих слов.

Не хочу. Не хочу слышать. Я упала на колени и зарыдала. Нет, только не это. Сашка подбежал ко мне.

– Мама. Мама, что случилось?

– Он никогда не вернется.

– Мама, кто?

– Наш папа. – Я обняла и прижала сына к себе. Это все, что у меня осталось от Кости.

Какая же я дура! Я должна была быть с ним. А меня заела гордость, глупая ревность. Я оставила его. Хотя бы эти несколько дней побыть с ним. Последних. А я даже этого не сумела. Как я могла, как я могла. Всю ночь я корила себя за это. Плакала, останавливалась. И вновь плакала. Вспоминала его голос, его руки. Теперь это все в прошлом. Утром, ничего не чувствуя и ничего не видя, я пошла в школу. На перемене я собралась с силами и позвонила в часть.

– Аллю, – ответили на том конце.

– Это Алена Скворцова. Скажите, когда... Когда будут похороны?

– Что? Чьи похороны?

– Кости.

– Да вы что, Алена, вы сошли с ума?

– В смысле?

– Да он жив. Жив!

– Жив?!

– Да. Он сейчас в госпитале. Он разбился. Но он в госпитале. Он жив, слышите?

– Да. Да. В каком?

– В военном.

Я опустила трубку. Упала на стол. И слезы вновь потекли из моих глаз. Коллеги удивленно смотрели на меня. Наконец, кто-то сообразил, и меня начали отпаивать валерианой.

– Алена, что случилось?

– Он жив. Понимаете, он жив. Он сейчас в госпитале. Мне нужно туда. Мне нужно.

– Да, конечно, езжайте, Алена, езжайте.

Я вызвала такси и, как сумасшедшая, бросилась в госпиталь. Туда, где лежит он. Я открыла дверь палаты, вошла. Увидела его. Всего перебинтованного.

Я услышал, как открылась дверь палаты. Открыл глаза. Она, Алена. Пришла. Пришла пожалеть.

– Алена, – говорю, – пришла, и он отпустил тебя? Не стоило этого делать. Совершенно не стоило. Мне не нужна жалость. Уходи. Уходи сейчас же. Не мучай меня. Ты мне не нужна. Убирайся.

От этих слов я выскочила из палаты. Захлопнула дверь. Присела на диванчик. Господи, меня просто выгнали. Выгнали. Я сидела. Пытаясь прийти в себя. Хотела встать и уйти. Не было сил. Что он сказал? Он отпустил тебя? Кто он? Не нужна жалость, это я могу понять. Но кто он, кто меня отпустил? Нет, я все выясню. Выясню до конца. Я вошла в палату. Подошла. Села возле кровати на стул.

– Я никуда не уйду. Никуда. Пока ты мне все не скажешь.

– А что тебе говорить? Ты же ушла к нему.

– Ни к кому я не уходила. Я просто ушла от тебя.

– Ну, вот, к кому-то ты ведь ушла.

– К Ольге я ушла. К Ольге. У нее пряталась. У тебя вон, эта, Риточка. Я обиделась и ушла.

– Какая Риточка? – Я был удивлен.

– С которой ты разговаривал по телефону, с которой ты в кафе сидел. Не помнишь?

– Глупо. Рита, это наш кадровик.

– Ты говорил, любимая.

– Это я так. Она помогла перенести отпуск. А кафе – это благодарность за то, что она помогла.

– А как у тебя с твоим, все нормально?

– С кем моим?

– С тем. У подъезда машина. Ты еще вернулась. Наклонилась его поцеловать. Он сидел в машине. Потом махала ручкой. Посылала воздушные поцелуи.

– Господи, ты чего? Это Федька, мой одноклассник. Мы не виделись с ним много лет. Случайно встретились. Поболтали. Он меня до дома довез. Мы обменялись телефонами, и я побежала домой. Никого у меня нет, кроме тебя.

– Правда? – До боли хотелось верить.

– Правда, никого. – И я тонул в ее глазах.

– Но все равно, ты оставишь меня. – Я решил, хватит тайн.

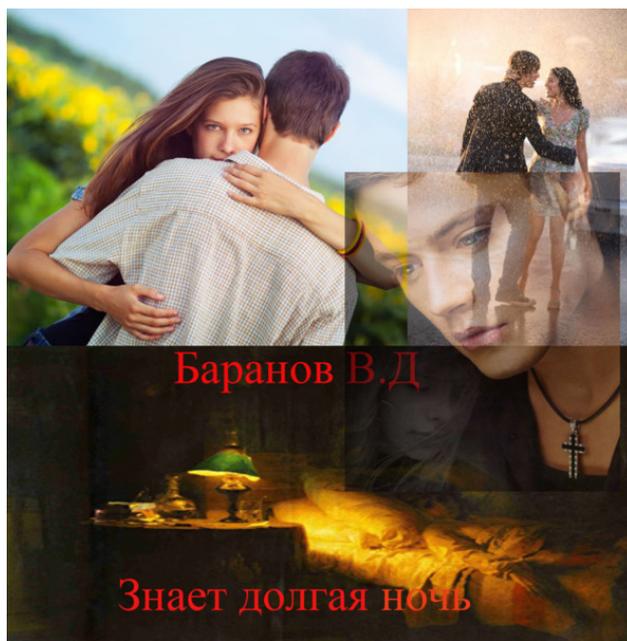
– Это еще почему?

– Потому, что я легчик-испытатель. Потому, что рискую каждый день. А ты не можешь любить такого. – Отвернулся к стене. Пара капель влаги на глазах. И услышу звук уходящих шагов.

– Поздно, Костенька, поздно. Я уже люблю тебя.

– Меня, гадкого утенка?

– Какой же ты взрослый мальчишка. Ты не гадкий утенок. Ты мой прекрасный лебедь. Ты расправишь свои лебединые крылья, взлетишь в небо, а я буду ждать тебя на земле. Ждать своего белого лебедя.

Знает долгая ночь

А что такое смерть? Такое ль это зло,
Как всем нам кажется? Быть может, умирая,
В последний горький час, дошедшему до края,
Как в первый час пути – совсем не тяжело?
Пьер де Ронсар

Шаги по асфальту, по мокрой опавшей листве. Улица с редкими прохожими, которые движутся в танце повседневности. Дома, выстроившиеся, словно в почетный караул в ожидании гостя, редкие капли дождя падают ему на голову. Он идет, слегка улыбаясь. Он гость незванный и нежеланный. Где-то вдали клаксон отдает колокольным звоном. Начало дня. У него еще много времени впереди. Можно и отдохнуть. Он тает в безмолвии улицы, обращаясь в осенний лист, висящей на ветке дерева. Он висит, а ветер качает и убаюкивает его. Время для него пустой звук, хотя есть часы, созданные, словно, для него. Это тогда, когда ночь встречается с рассветом, когда кончается одно и начинается другое. Долор игнус анте люцим. Жесткая тоска перед рассветом. Часы, когда люди часто уходит в безмерное безмолвие вечности, встречая свой последний рассвет и провожая свою последнюю ночь. Сын вечности, он пришел, чтобы проводить кого-то в мир без горя и радости, без надежды и отчаяния. Он сам не знал этих чувств. Он знал, что есть такая безмолвная страна, в которую уходят все живущее. Качание на ветвях вечности наскучило ему, и он опять обрел тело. Впереди шли девушки и мило болтали о своем, девичьем.

– Знаешь, Питер все же пригласил меня в кино. – Радостный блеск в глазах. Игривая улыбка.

– Питер, наш Питер? Красавчик? – Удивление и смех.

– Да. Представляешь, как будут завидовать все девчонки.

– Да, конечно.

Хорошо, хорошо, что вы даже не думаете, что когда-нибудь он придет к вам, чтобы открыть врата. Он вышел на шумную улицу. Люди бежали, торопились, смеялись, горевали. Здесь царил суета сует и затеи ветреные. Мне жаль вас, люди. Я буду скорбеть о вашем уходе. Он шел, пытаясь вглядываться в лица прохожих. Потом подумал, неужели мне никогда не познать их радости и горе.

– Мать Вечность, жалела ли ты кого-нибудь? Пожалей своего сына, дай мне краткий миг понять этих людей. – Мысленно он обратился к той, что создала его.

– Я подарю тебе печали, сын мой, прими этот дар. – Печальный голос в ответ.

Впереди шла стройная шатенка. Она бросилась ему в глаза тем, что в отличие от других прохожих, никуда не спешила. Она заглядывала в витрины магазинов, осматривала окрестные дома. Скорее всего, проезжая, решил он. Так увлеклась осмотром окружающего, что не заметила, как каблук туфли провалился в щель чугунной решетки водослива. Он подскочил, чтобы удержать ее от падения.

– Вы чуть не упали, леди. – В бархате голоса мужчины звучит извинение и забота.

– Благодарю вас. Такая досада. – Срывается с губ незнакомки.

– Досада, что не упали? – Он улыбается.

– Досада, что сломала каблук. – Но в голосе больше нет досады. Она улыбается в ответ.

Яркие ленты солнечных лучей вплетаются в седые волосы хмурого осеннего утра. И вот уже осколки солнца тают в лужах.

– Ну, это поправимо. – То ли спрашивает, то ли утверждает мужчина.

– Конечно, сейчас дойду до какого-нибудь обувного магазина и поменяю туфли. – Женщина вздохнула. Не очень приятно ковылять на одном каблуке.

– Позвольте, я провожу вас. Обопритесь на мое плечо. Так вам будет легче идти. – Искорки смеха в глазах. Он представил, как она станет изображать из себя хромого утку.

– Вы очень любезны. – В голосе сквозит оттенок резкости. Она догадывается, что так веселит мужчину.

– Мне это ничего не стоит. – Обезоруживающая улыбка.

Она положила руку ему на плечо и захромала вперед в поисках ближайшего магазина.

– Мне показалось, что вы приезжая. – Мужчина повернул голову к женщине. Смотрит в ее глаза. Их губы совсем рядом.

– Да, я приехала по делам ненадолго. У меня деловая встреча, но ее перенесли на завтра, так что делать было нечего, и я решила немного прогуляться.

– У меня тоже деловая встреча. Я тоже не местный, но встреча меня поздно, очень поздно вечером. Так, что и мне делать нечего. Будет очень дерзким, если я спрошу, а не хотели бы вы скоротать это время вместе со мной?

Она внимательно посмотрела на него.

– А вы не из этих?

– Нет, нет, леди, не из этих. Если вы имеете в виду мужчин, ищущих развлечений.

– Тогда давайте попробуем.

Они шли дальше. Наконец, нашли обувную лавку, в которой леди сменила туфли, и это сразу же улучшило ее настроение.

– Куда пойдём, леди? – Поинтересовался он.

– Право, не знаю. – Она была в замешательстве.

– Время к обеду. Может быть, зайдем, где-нибудь посидим, пообедаем. Там уточним наши планы.

– Я согласна.

Так они и сделали. Они зашли в уютный зал ресторана, сделали заказ.

– А чем вы занимаетесь, леди? – Поинтересовался он.

В зале было немного посетителей. Массивные столы и уютные кресла располагали к неторопливой беседе. Приглушенная музыка.

– Я дизайнер по костюмам. А вы? – Ей было действительно интересно, кто ее спутник.

– Я занимаюсь пассажирскими перевозками. – В некоторой степени это соответствовало правде. Он помогал людям перебираться из одного мира в другой.

– А как вас зовут?

Имя? Как его зовут? Разве есть у посланника Вечности имя. Имя – идентификатор человека. Людей много, их надо различать. Посланник Вечности один. Он вспомнил девушек, которые шли недавно перед ним.

– Питер. А вас? – Имя ничем не лучше и не хуже других.

– Меня зовут Клер.

Вот так они познакомились.

– Тут недалеко парк, там пруд, утки. Может быть, если вы не возражаете, пойдём и покормим несчастных? – Он тоже птица, залетевшая в окно этого мира.

– Совершенно не возражаю. Тем более, что я давно не делала ничего подобного, ничего такого, чтобы позволило мне вспомнить детство.

– Вы в детстве кормили уток. – Сделал вывод мужчина.

– Да, мы ходили кормить уток. И все такое, что делают все дети.

– Ваши родители живы? – В людском понимании у него родителей не было. Никто не качал его в колыбели, не играл с ним. Не водил гулять в парк кормить уток.

– Да, живы.

– Вы в детстве были счастливы? – Он спрашивало том, чего сам не знал. Это понятие ему было неведомо.

– Да, была. У меня прекрасные родители и два брата. Правда, сейчас они живут далеко от меня, но мы часто созваниваемся, переписываемся, иногда на праздники встречаемся.

– Вы замужем? – Опять он касался того, о чем не знал. Семья, что это такое?

– Нет, я не замужем. Была, но, к сожалению, неудачно. А вы, вы были счастливы в детстве?

– Скорее всего, я почти не помню своего детства. Почему-то мне кажется, что я родился взрослым. У меня одна мать, но тоже, как и у вас далеко от меня. Братьев и сестер нет.

– А жена? – Спросила Клер осторожно.

– О, нет, бог миловал. – Питер рассмеялся.

– Почему? Вы так не любите женщин? – Она готова обидеться на него за эту нелюбовь к женщинам.

– Нет, женщин я люблю, но вряд ли какая-то женщина выйдет за меня. Я постоянно в разъездах, так получилось. Я не из тех, кого считают домоседом.

Они зашли в парк. Все еще падали редкие капли дождя. Но они пели уже не об ушедшем лете, не об умирающей листве. Они вели свой рассказ о ветре, который развеет тучи, о солнце, что озарит землю, согревает весь окружающий мир, По глади пруда скользили утки. Время от времени они окунали головы в воду, отыскивая корм. Клер бросала им крошки. И, наконец, стайка птиц начала прибиваться к берегу. Питер стоял возле этой женщины, истома охватила его тело. Голова кружилась от запаха ее духов. Неужели, каждый смертный мужчина ощущал что-то подобное хоть раз в жизни. Они потом шли по аллеям. Дождь перестал лить слезы. И тут, даже не отдавая себе отчета, Питер взял Клер за руку.

– Как вы познакомились со своим бывшим мужем? – В самом деле, как это происходит у людей.

– Это простая история. Мы учились в одной школе, были соседями. Как-то начали, что ли подглядывать друг на друга. Однажды, на школьном вечере он подошел и пригласил меня танцевать, а потом провожал домой. Благо мы живем рядом. Мы стали встречаться, потом колледж. Мы учились в разных колледжах, но встречались по выходным. Постепенно мы как-то так привыкли друг к другу. Не знаю, любил ли он меня, но я его любила. На последнем курсе мы поженились. Обзавелись собственным домиком. Он начинающий юрист, я дизайнер одежды. С работой не было проблем, мы устроились достаточно быстро, так что помощь родителей и не нужна была, но родители все-таки заботились о нас. Первый взнос за дом, это они. Ну, вот так мы и зажили. Через год я стала говорить ему, не пора ли нам завести ребенка. Но он отказывался, надо немножко пожить для себя. Я решила, что, наверно, это правильно. Тем более, что была счастлива рядом с ним. Счастье было недолгим. Это был для меня гром среди ясного неба. Я узнала, что у него есть другая женщина и давно. Эта женщина ждала ребенка, она сама позвонила мне и сказала об этом. Я не смогла пережить это. Мы расстались, я подала на развод и вот уже два года, как живу в разводе.

– Вы скучаете о нем?

– Первое время скучала, потом поняла, что мой выбор все-таки правильный. Расстаться сейчас, когда, возможно, я смогу когда-нибудь начать новую жизнь или в конце жизни, когда все уже прошло. Узнать, что у него есть другая семья, еще больней. А как сложилась жизнь у вас?

– Ну, можно сказать, что моя жизнь никак не сложилась. Я часто езжу, у меня много интересных встреч. Очень много различных людей встречается то там, то тут. Они интересные, приятные и забавные, иногда злые. Полный спектр человеческих эмоций и с этим приходится встречаться каждый день.

– Вы, наверно, от этого устаете. – Клер опустила взгляд. В голосе сочувствие.

– Нет, честно говоря, нет. Я не знаю, может быть, я привык к этому. Ну, такая жизнь нравится мне.

Мы шли по улице рядом, я и она. У нас не было будущего. Только настоящие. Впереди нас ждало расставание. Расставание это маленькая смерть. И я шел в ожидании этой маленькой смерти, но это не запрещало мне грезить наяву. Маленький уютный дом, я возвращаюсь со службы. Запах готовящегося ужина, звон посуды. Она выбегает, спешно вытирая руки о свой передник, так чтобы обнять меня. Потом мы сидим на диване, обнявшись, и смотрим телевизор. В ночные часы только фонарь заглядывает через шторы. Она мирно дышит, погружаясь в сон, и я тоже пытаюсь заснуть. Мы вместе, вместе, навсегда. Короткое навсегда, которое даруется человеку в жизни.

Я должен был почувствовать это заранее, но моя человеческая составляющая перекрыла поток информации. Вой сирен, несущиеся машины, и передняя машина не удержалась, ее занесло, она переворачивается и летит на нас, ударяется об металлическую стойку, распаивается дверка и оттуда вылетает на тротуар тело, мертвое тело. Всего несколько метров и железная стойка прикрыли нас от летящего автомобиля.

– Матушка, зачем вы это? – спрашиваю у Вселенной.

– Напомнить тебе, сынок, о бренности этого мира.

Клер не поняла, еще не поняла, что могло случиться вот сейчас в эти секунды, что крыло смерти, мое крыло, отбросило на нее тень.

– Не смотри туда, – сказал я ей, чтобы она не видела это бездыханное тело. – Пойдем. Пойдем отсюда.

Она как-то медленно попыталась отойти от места катастрофы. Постепенно происходящее начало проникать в ее сознание.

– Боже, смерть, смерть всегда рядом.

Бедная Клер, думал я, ты не подозреваешь, что она ближе, чем ты можешь подумать.

Уже вспыхивали рекламные огни, когда мы зашли в ресторан. Наш прощальный ужин. Быстрые взгляды, попытка запомнить эти родные черты, этот голос, этот взгляд. Что-то болезненно щемило в груди там, где должно быть сердце. Я заполнял ею, моей Клер, всю свою душу. И вот этот момент, последний момент, у входа в гостиницу. Он ослепил меня вспышкой боли. Она нежно поцеловала меня.

– Прощай.

– До свидания, – до свиданья хотя бы оставляет надежду.

– Тогда, до свидания, – она повернулась, зашагала к входу в гостиницу.

– Ну что, сынок, теперь ты понял, дары людей не слаще, чем дары богов.

– Матушка, ты позволишь мне, хоть изредка, видеть ее. Пусть, даже идущей по улице под руку с другим мужчиной.

– Сынок, это напиток горечи и боли, но он сладок. Одновременно сладок, как последняя песня. Что ж, ты же взрослый мальчик, хочешь пить из этой чаши, воля твоя. Не сейчас, позже ты сможешь осуществить свое желание.

Теперь можно и на деловую встречу. Кто-то ждет его во тьме.

Белизна потолка давила. Бесконечная белизна пути, белизна холодной простыни, что прикроет безжизненное тело. Белые шторы на окнах, из-за которых пробивался сумрак позднего вечера. Скоро ночь, ее последняя и вечная... Ее больше не страшил собственный уход. Одиночество. Словно заноза оно сидело в сердце. С раннего утра до обеда прислушивалась она к шагам за дверью. Ей так хотелось... Надеялась... Верила... Только не сбылось. Ждала, что придет дочь, и последние часы жизни не будет давить безысходность одиночества. Саму мысль, что эти горькие часы никто не разделит с ней, она гнала прочь. Из последних сил боролась со смертью. Дочь просто опаздывает, надо только дождаться ее. И когда медсестра пришла проведать ее на ночь, принесла с собой только запах утраченных надежд, она узнала, как звучит

голос отчаяния. Он что-то шептал ей шелестом накрахмаленного белого халата. Бежать от этой нестерпимой боли, туда где... Тюрьма обессиленного тела. Скрип закрывающейся за медсестрой двери. Темница вечности закрылась. Из ее приоткрытого рта вырвался вздох. Вырвался чуть слышный стон. Несколько мгновений она ничего не видела. Боль и звериная тоска ослепили ее. Безумным немым колоколом эта тоска разрывала вселенную. И слеза, покотившаяся по щеке, открыла путь исхода всех печалей.

В его ушах мольбой и стоном запел колокол одиночества. Гул протяжный и зовущий. Он должен идти на этот зов. Распавшись на мелкие пылинки, он закружил сам ветер, заставляя упругий поток воздуха нести его туда, откуда шел зов.

Больница погрузалась в тихий сон, когда он, никем не замеченный, шел по коридору. Больничная палата. Ее безумная белизна. Стойка оборудования, призванного сохранить жизнь, стояла, словно памятник смерти. Пожилая женщина, лежащая на кровати, открыла глаза.

– Дочка, это ты? – Чуть слышный голос.

– Нет. Она занята. Не придет. – Откликнулся Питер.

– У нее, как всегда, не хватило времени для меня. А ты уже пришел за мной?

– Да, но у тебя еще есть время. Немного, но есть.

– Это хорошо. – Во взгляде дерзкая улыбка. – Ты пришел за мной. Ждала. Ты принес отдых мне.

Он подошел села рядом с кроватью. Взял безвольную руку. Она лежала, каждый вздох давался ей с трудом. Он пришел, чтобы она могла разрешиться от этого бремени, что нес он, бремя смерти. Но он не мог просто взять ее. Тоска, которая сдавливала ее грудь, была так велика, что даже он не мог нести ее тяжесть. Дитя сумерек, приносящий на своих плечах смерть, должен ей пропеть песнь жизни. Смертью смерть поправ.

– Я пришел. Ты ждала меня? – Его мало кто зовет. Иногда он приходит неожиданно, преждевременно. Но тут, кажется, все по взаимному согласию.

– Да. Наконец. – Опять улыбка.

– Я буду с тобой, я не покину тебя.

– Спасибо. У тебя теплые руки. – Рука шарит по пальцам моей руки. Минуты, тепло покинет эту руку. Не умирай, но не могу.

– Ну, да, конечно. То, что вы думаете обо мне, это не правда, совсем не правда.

– Я не боюсь того, что будет дальше. Просто очень тягостно одиночество. Хорошо, хорошо, что ты побудешь рядом со мной. Так одиноко, тоскливо.

– Да, не волнуйтесь. Может быть, вспомните что-нибудь, что было вам дорого в жизни?

– Да, конечно. Так много всего. Так много, что даже не знаю с чего бы я начала вспоминать. Конечно, конечно, с вечеринки. Той вечеринки у друзей, когда я встретила своего Адама. Он недавно пришел из армии. Такой... такой высокий, стройный, белокурый с горящими глазами. Он подошел ко мне.

– Вы танцуете? Может, потанцуем? – Я до сих пор помню эти слова и его голос.

– Да. – Могла ли я ему отказать. Да кто мог отказать моему Адаму. Мы закружили в танце. Потом, разгоряченные, пили холодную воду. Смеялись. Болтали о всяких глупостях и снова кружились в танцах. Его крепкие руки на моей талии, мои руки обнимают его твердые плечи. С этого момента на вечеринке для меня уже не существовал никто, даже комната словно исчезла для меня. Потом он провожал меня домой, а на прощанье так и не поцеловал. А только сказал: Я бы хотел увидеть вас еще раз. И мы стали встречаться. Нашим любимым местом была набережная. Я до сих пор помню каждый камешек там, каждую выбоину на мостовой. Мы бродили там, как дети, держась, рука об руку. Встречались мы так месяца три, может, побольше. Когда однажды Адам, обняв меня за плечи и шутливо касаясь губами моего уха прошептал: выходи за меня замуж. Я не ответила словами, я ответила поцелуем.

Этот дурачок так и не осмелился меня поцеловать до этого момента. Свадьба не была шикарной, была веселой. Мы стали жить на съемной квартире. Он не хотел, чтобы я работала, но я настояла. Я убедила его, что так мы быстрее накопим на собственное жилье. Любовь давала мне такие силы. Я не замечала усталости, когда вечером хлопотала по дому. А когда Адама дома не было, а я гладила его носки, его рубашку. Мне казалось, что он все равно здесь, рядом. Вот его горячее тело, его яркая улыбка. Он здесь, он постоянно со мной. Не думаю, что повседневность затянула нас. Мы часто ходили к друзьям, моим или его. Его друзья отличные парни. Они шутливо ухаживали за мной. Смеясь, наблюдали, как Адам хмурится. Мне нравилось, что он меня ревнует. Мы не оставили без внимания и нашу набережную, где зародилась наша любовь. Наконец, мы скопили некоторую сумму денег, чтобы купить квартиру в кредит. Мы переехали. Как мы радовались нашему гнездышку. Но вот пришел день, когда я поняла, что во мне зародилась новая жизнь. Я сказала об этом Адаму ночью. Как неистово он меня целовал. Смеялся, как ребенок. Радовался. Готов был броситься к окну и в окно кричать: у меня будет ребенок. Шальной мальчишка. С этого дня он настрого запретил мне работать. Он часто, очень часто интересовался, как он, ребенок. Если это будет девочка, спрашивала я. Какая разница. Это мой ребенок. Мы с волнением и радостью ждали день, когда появится наша дочка. В тот вечер, когда начались схватки, он был дома. Он был напуган, мне пришлось успокаивать его, пока ждали скорую помощь. Потом в палате, когда я уже родила, сестра мне сказала: безумный папочка, бегал тут. Волновался. Всех теребил. Я хотела даже поставить ему что-нибудь успокаивающее. Я только улыбалась. И вот светлый, радостный миг, когда дочку принесли ко мне, и она первый раз губками взяла мою грудь. Вот день, когда счастливый и гордый Адам отвез нас домой. Вечерами, когда был дома, он постоянно бегал к колыбели посмотреть, как она спит. Любовался ею и играл с ней. Наблюдал. Для него это был весь мир. Он баловал Кэтрин, постоянно возился с ней. Порой, я даже ревновала его. А порой, просто стояла и любовалась на них. Даже в постели, мне казалось, он больше говорит о Кэтрин, чем о любви ко мне. Но я смирилась с этим. Ведь Кэтрин это же мой ребенок. А Адам, Адам мой большой ребёнок. И вот мы повели Кэтрин в школу. К тому времени мы рассчитались с кредитом и чувствовали себя спокойным и уверенным. Бабушки с дедушками тоже безумно любили внучку. Подарки, прогулки, шалости. Я не видела в этом ничего особенного. Я не поняла тогда как это опасно, что у нас растёт большой эгоист, который будет любить, по большому счёту, только себя. Мы купили подержанный автомобиль. Во время отпуска мы ездили по дорогам Америки, останавливались в дешевых моделях, но чувствовали себя настоящими богачами. Я видела, что в глазах Адама любовь ко мне не угасает, а только разгорается с новой силой. Эти двое, дочка и муж, заслонили от меня весь мир, они стали моим воздухом, моим дыханием. Наша дочка подрастала. Она становилась настоящей красавицей. Я думала, что жизнь удалась, но, оказалось, неправда. В то утро Адам чуть дальше задержал свой поцелуй, улыбнулся и сказал: вечером тряхнем стариной, ходим куда-нибудь. В этот день он сорвался с лесов. Адам умер в больнице. Я несколько дней не выходил из комнаты, тупо сидела в кресле. Разум не хотел принимать это горе. Иногда я перебирала его рубашки, прижимала их к лицу. Вдыхала аромат воспоминаний об Адаме. Я думала время притупит эту боль. Но оказалось, она с каждым днем усиливается. Потом я бывала у него на кладбище. Но чаще я ходила на набережную, набережную, по которой бродили мы вместе. В шелесте волн мне чудился его смех. Мне казалось, стоит мне повернуть голову и я увижу его. Порой я брала с собой цветы, и, бредя по набережной, роняла их на мостовую. Потом подставляла лицо, залитое слезами, ветру и мне чудилось, что его рука касается моей щеки. Постепенно дочь отдалилась от меня. Мама, перестань плакать. Ну, нет его. Мир вовсе не сошелся клином на твоём Адаме. Жизнь продолжается. Я, конечно, могла бы покончить со своим одиночеством. Были еще мужчины, которые смотрели на меня с интересом, но не способна была предать его. Днем я убеждала себя, что он просто ушел на работу. Вечерами я говорила, что он пошел принимать душ, сейчас выйдет. А ночью я фак-

тически ощущала, что он здесь, рядом со мной. Постепенно и верно я сходила с ума, наверно, так бы и случилось, если б однажды я не задремала в кресле днем. И увидела, он стоит в дверном проеме. У меня не было сил подняться навстречу. Он сделал несколько шагов в комнату, остановился и улыбнулся мне. В его глазах сверкнула лукавая искорка.

– Любимая, мы еще встретимся, у нас еще будет время. Поверь, нас ждет еще встреча. Не падай духом.

Бесконечная череда дней заполнилась для меня ожиданием. Ожиданием новой встречи. Когда мы встретимся, нас вновь закружит танец, как в первый день нашей встречи. И жизнь вернулась, вернулась ко мне. Теперь, теперь у меня была цель в этой жизни. И вот остались считанные мгновения. Ты отведешь меня к нему?

– Да. – Питер обещал ей. Теперь он знал, что такое любить. Он испытал это чувство.

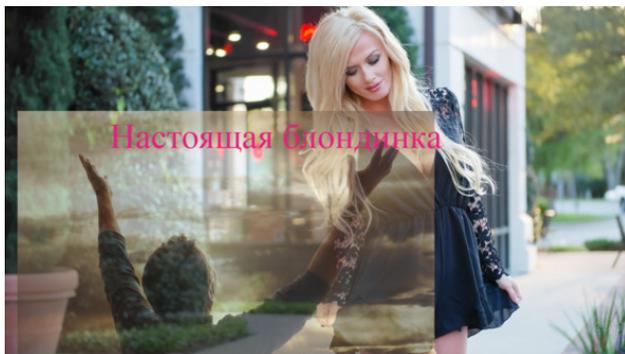
– Что, уже пора?

– Пора.

Она шла по залитой солнцем аллее. Осенняя листва играла мелодию вальса. Разноцветные листья, кружась, падали ей под ноги. Там, в конце алле, стоял он, улыбаясь, распростер объятия. Он ждал ее. Она подбежала к нему. Сбросила туфли и бежала, босая, по ковру из осенних листьев. Она почувствовала объятия его сильных и любящих рук.

– Любимая. Любимая. – И вальс закружил их. Деревья роняли на их головы и плечи листву. Так осыпают на свадьбе молодоженов зерном и цветами.

Мужчина ладонью прикрыл ее веки, встал и вышел в коридор. Тихо прошел по коридору и вышел в ночь, туда, где ночь целовалась с утром. Аллилуйя, аллилуйя. Слава тебе Боже. Вечная жизнь, смертью смерть поправ. И знает долгая ночь, что настанет рассвет.

Настоящая блондинка

Если вы хотите стать настоящей блондинкой пользуйтесь крем-краской Бэзил. Вы станите блондинкой от кончиков волос до корней и даже глубже.

Вообще от природы я брюнетка. И не крашусь. Но в душе, в душе я истинная блондинка. Романтичная, глупая, взбалмошная блондинка. Но хорошенькая, очень хорошенькая. Все при мне. Такое личико, фигурка, ножки. Ну, истинная блондинка.

Наступило утро. Для меня утро приходит после полудня. У каждого свое время, когда наступает утро. У меня это полдень. Мне нужны денежки, следовательно, я должна увидеть папочку. Своего родненького. А как и где я могу его увидеть. Когда у меня наступает утро, он уже на работе в своей компании, где он генеральный директор. Когда у меня заканчивается день, насыщенный всевозможными заботами, а это три или четыре часа ночи... Или утра? Впрочем, какая разница. Папочка еще спит. Следовательно, мне надо съездить или сходить к нему на работу. Так, решено, я иду пешком. Вы представляете, ехать на машине с нашим водителем, Петькой, который постоянно смотрит на меня маслянистыми глазками и при этом у него текут слюни... Конечно, посмотреть есть на что. Это обо мне. Тут найдется, на что посмотреть. Не на этого же идиота. Если б вы видели рожу этого Петьки! С такой рожей в полночь по кладбищу бегать. Ни один покойник из могилы не встанет. Они от страха будут зарываться глубже. В такой момент их ни один суд, даже тот, о котором говорят, что он страшный, из могилы не поднимет. Мой папочка никакого суда не боится. Любому судье, это он так говорит, надо знать, сколько предложить и как. Так о чем я? О покойниках? Или о Петьке. Петька живой. Не путайте меня. Это о его роже. Я могу сесть на заднее сиденье, что я обычно и делаю. Вы скажете, водителя можно сменить. И я так думала. Но мой папочка имеет совсем другие мысли. Такого страшила он взял, что бы я не возжелала ближнего своего. В салоне автомобиля он – ближний. Хотелось бы узнать, секретарша моего отца – это ближний его или дальний. Но ее он желает. У моей подруги, у Аленки, такой симпатичный ближний. Ну, водитель. И она его постоянно желает. Сама мне рассказывала. Так вот, я пыталась. Вы чего? О чем подумали? Я просто пыталась забиться в дальний уголок на заднем сиденье автомобиля. Отгорожусь от него гламурным журналом. Листаю страницы этого изумительного издания. Я понимаю, есть мудрые книги, которые и следует читать. Это мне в институте говорили. И в книгах этих есть ответы на все вопросы. Материализм и эмпириокритицизм. Там этот, как его. Забыла. Так, автор ругает каких-то мужиков. Я с ними не знакома. Троцкий, Бухарин, Базаров, Мах. Он их там называет проститутками. Может они по улице голыми ходили? Так этим никого не удивишь. Плохо, что ни одной картинки. Я бы взглянула на них. И в этой книге ответы? Где там сказано, что следует одеть в этом сезоне? А какие туфли? Оттенок помады? Вы тоже не нашли? Теперь вам ясно, где можно найти ответы на все вопросы, в журнале. Когда я прячусь за журналом, то все рано вижу, Петька в зеркало смотрит. Сосредоточиться не дает. Когда дверку машины открывает и предлагает мне выйти, руки у него потные. Решено, я иду пешком. Пройдусь, посмотрю город. Через окно авто не разглядишь, как следует. Развеюсь. Куда бы я не пошла, всюду одни и те же лица. В ночном клубе, в фитнесе, в салоне красоты. От них начинаешь уставать. Все одеваются у известных кутюрье, у всех прославленные стилисты. Смотришь на любимую подругу. Вот дура нечесаная. Обидится? – Не страшно. А дойдет это до ее блохочеса. Визгу будет. Такие станут говорить обо мне, что у меня нет вкуса. Что ничего не смыслу в истинной красоте. И куда мне идти делать прическу? Туда, куда все ходят? Вы сами поняли о чем говорите?

Одним словом, выбор сделан. Я отправляюсь пешком. Такая экскурсия в мир. Посмотрю, что в моде у обычных людей. Я несколько сентиментальна, мне бывает жаль народ. Свои платья я привожу чаще из Милана или Парижа. Там есть несколько неплохих мастеров. Что одеть сей-

час? Выбор одежды – процесс сложный. То, что я одеваю, когда выхожу с подругами, не подойдет. Это не подойдет. Нет. И это – нет. Правда Родик нравится, как одеваются простые девчонки из предместий. И я встречаясь с ним, одеваю что-то такое. Мы с подругой не говорим этим ребятам, кто наши родители. Это такая шутка, словно Счастливым султан Гарун Аль Рашид, выхожу в свой Багдад. Если эти ребята узнают, кто наши родители, то будь мы уродинами, они бы говорили о нашей неземной красоте. А так, хоть правду услышать. Родик мне наскучил. Отдам его Клавке. Пусть забирает, кому он нужен. У Родика крутая тачка, костюмчик – улет, но я уже обещала Клавке. Пусть берет его себе, если хочет. Он не в моем вкусе. Прежде всего, юбка. Эта подойдет. Кажется, я купила ее в Париже сезона три тому назад. Длинная и пышная. Такие сейчас не носят. Отстой. Блузка. Блузочка. Эта подойдет. Полупрозрачная ткань. Сквозь нее чуть просвечивает мой лиф. Сверху набросим жакетик. Теперь... Теперь. М-м-м. Колечко. С этим крупным бриллиантом. Нет, не смотрится. Лучше с изумрудом, небольшим в обрамлении мелких бриллиантов. Кулон и серьги с изумрудами. Очень скромно. Выглядит даже бедновато. Босоножки. Вот эти. Надеюсь, что папу не хватит удар. Впрочем, он его хватает всякий раз, когда я прошу денег или узнает, сколько стоит что-то из моей одежды. Как эти босоножки. Он кричал. Господи, как он кричал. Что?! За эти два ремешка! Отдать столько денег. Ха, ха, ха! А что я должна одеть на свои ножки. Вериги? Что бы искалечить мои прекрасные ножки? Может на этот раз, папу не хватит его излюбленный удар. Посмотрела на себя в зеркало. Боже мой. Боже мой, во что я вырядилась. Да в этом же впору выйти в этот... Да, как же называется?! Где коровы стоят рядами. Их там еще доят. На ферму к телятам. Нет, это ужас. Лучше в этом идти к церкви. В руки взять кружку. В таком только милостыню просить. Прохожие будут рыдать и кидать доллары в мою кружку. Вот я и готова пуститься в путь за милостыней к своему собственному папочке. Какая-то мелочь. Что ему жалко? На карманные расходы. Пустячок. Миллион рублей. И Евро. Совсем немного. Такое есть в сумочке любой девушки. Я прошла квартал, что двигаться по этим выбоинам и колдобинам в моих босоножках, это все равно, что ехать в Ламборджини по свежевспаханному полю. Меня не пугают трудности, зато я смогу приглядеться к прохожим. Дорогу одолеет идущий. Вот я и иду. Хм. Смотрите-ка, какая женщина. Ах, какая женщина. Просто прелесть. Такое впечатление, что она всю жизнь питается одной жареной картошкой. И эту картошку засунули в тот мешок, который она надела на себя. Я бы эту даму не пустила мыть общественные туалеты. Знаете почему? Унитазы растрескаются от ужаса. Вон мужик, его джинсами не стыдно пол мыть. Футболка. Ей можно пугать ворон на огороде. Разве так можно жить. Вон девчонка. Вполне симпатичная. Даже очень. Где она купила это платье. В какой деревне. А походка? Ужас. Кто ее научил так ходить. Неужели, родная мама. Она что, сумасшедшая. Я иду даже по этому битому тротуару, как по подиуму. Еще девчонка. Топик, юбочка из дерюги. Туфли. Из мастерской, где шили сапоги для солдат в сорок первом году. Тогда жизнь была трудная, там можно было понять. Но сейчас модель под кирзу? Господи, смотреть на прохожих сил нет. У нас чудесный город. Парень, смотрит на меня, как бездомная собачонка на кусок колбасы. Я, конечно, прохожу мимо него, как проходят мимо урны, в которую даже нечего бросить. Дохожу до очередного перекрестка. Там, на другой стороне стоит этот, техглазый. И мигает мне. Мне подмигивает. Желтый, красный, зеленый. Ну, и мигай себе. Я дождалась, когда он мигнул мне зеленым, и спустила ножку с бордюра. Тут ветер. Такой озорник. Как дунет. Моя юбка а ля бабушка Просковья задралась мне прямо на лицо. А под ней... Что? Изящные трусики. Это я несколько преувеличила. Сильно преувеличила. Намек на трусики. Я пытаюсь юбку опустить, чтобы идти дальше. Борюсь с этим озорником – ветром. Тут как все машины загудят. Библикают и библикают. Они что, надеются, что я задеру себе на голову юбку еще раз на бис. Не дождутся. Иду дальше. На той стороне канареечник. И дудит в свою дудку. Свисток. Это я уже на красный свет иду. Оштрафовать решил. Попробуй. Я спокойно подхожу к краю тротуара, где этот с дудкой стоит. Делаю вид, что подвернула каблук. И падаю. Падаю. В это время чуть расстеги-

ваю свой жакетик. Падаю на грудь к этому в канарейке. Руками опираюсь на его плечи. Зачем я это сделала? Вот дура. Я же блондинка. Я ободрала о его форму свои ладони. Теперь делать нечего. Не знаю, от чего больше. От боли в ладонях или от ужаса, что я действительно могла сломать каблук моих любимых босоножек, у меня навернулись на глаза слезы. Я была готова рыдать. И я почти рыдала. И голос мой шептал:

– Спаситель. Мой рыцарь. Вы спасли меня.

У этого, который в канарейке, дудка выпала изо рта. Глазенками хлопает и пытается меня поддержать. Так ухватил ниже талии, словно именно эта часть моего тела собирается упасть. Может я и блондинка в душе, но он, то... Он то... Он всего на всего мужик, а они так быстро ломаются при виде такой неземной красоты, как я. Он тотчас забыл о штрафе. Сейчас он чувствовал себя моим спасителем.

– Вы подвернули ногу. Вам срочно нужно в больницу.

– Да. – В моем голосе страсть. Женщина вамп в объятиях самого сексуального мужчины. Моя грудь высоко вздымается. Этот дубина готов поверить, что я вот-вот начну срывать с него одежду. Мог бы подумать о коже на моих руках. Я же не чистильщица рыбы. Моими руками по наждачной бумаге его мундира.

– Да. Моя нога!

Слезы катятся по щекам. Я рыдаю не от боли, а о возможной потере моих босоножек. Этот мужик начинает махать полосатой палкой, чтобы остановить машину и отправить меня в больницу. На мое горе останавливается не машина. Вы бы видели, что остановилось. Кирогаз на колесах. Одно утешение, оттуда выскакивает парень такой высокий, красивый. А улыбка? Что за улыбка. Потрясающая улыбка. Мой спаситель кричит этому парню.

– Срочно, срочно девушку в больницу.

– Срочно, – думаю я, – в больницу. И лучше, если больница будет в трех сутках езды, которые я проведу рядом с этим парнем. Какая же я блондинка. Я блондинка в квадрате. Надо, прежде всего, думать. Как я могла так поступить. Забраться на сиденье, которое таковым называлось по недоразумению, внутри этого кирогаса. Я ощутила все это сиденье. Возможность того, что я порву юбку, это полбеда. Ее все равно выбрасывать. Но я заработала пару, тройку синяков. Это было ужасно. Дверца машины за мной захлопнулась с таким треском. Мой спутник с потрясающей улыбкой сел за руль. Посмотрел на меня и говорит:

– Куда едем?

Я назвала адрес компании «Проджет». И мы тронулись. Кто мы? Естественно, кирогаз на колесах и я. Только кирогаз тронулся по дороге, а я тронулась умом. Ехать внутри этого кирогаса. Когда его собирали, то забыли установить амортизаторы. Но я этого не знала. И сидеть на этом кресле... Впечатлений от его пружин мне уже хватило.

– Вас как зовут? – Черт возьми, какая улыбка. А руки. Эти руки должны обнимать меня, а не руль.

– Света. А вас? – О, Боже, только бы не Грег, Ален или Фред.

– Гриша. Вы, Света, едете на работу? – С чего это он взял? Да, в таком наряде только на работу. Чистильщица мусоропроводов.

– Да. Да, на работу. – Пусть так. Интересно, что мне делать на работе.

– Вы работаете в этой компании? – Просто гений логики. Это компания работает на меня.

– Да. Да, я там работаю. – Святая ложь. Мужики должны верить в свою гениальность и проницательность. На фоне блондинок они все такие. За это нас и любят.

– А кем работаете? – Смотрит на меня озорным взглядом. Глазищи-то какие.

– Уборщицей. А вы кем работаете? – Я пытаюсь перевести разговор на него. Закончим спрашивать обо мне. Мужчины так любят говорить о себе. Им непременно надо рассказать какие они замечательные. Павлины.

– Я программист. Пишу программы. Решаю разные проблемы, связанные с компьютерами. – Лицо сразу стало серьезным.

– Это так интересно. Просто невероятно. – То, что мужчина делает, самое важное в мире. Как будто нет более интересных тем. Вот неделя моды в Милане. Там будут такие люди. Мужикам этого не понять. Им о футболе, хоккее, о вздорных железяках хочется говорить. Я искренне надеялась, что Мистер Улыбка теперь до конца пути будет вещать о тонкостях программирования тупой уборщице. Это мне-то, окончившей с отличием Кембридж, специалисту по биржевым сделкам. Я свободно говорю на трех европейских языках. Ох, как я ошиблась. Это была моя роковая ошибка. Надо было о футболе. Но, честно говоря, я не понимаю, зачем голоногие парни в трусах бегают по полю с единственной целью, пнуть мяч или, если не удастся пнуть мяч, пнуть другого парня. Он бы щебетал о передачах, пасах, нападающих, а я бы восхищенно хлопала ресницами. Но нет, мистер улыбка повернулся ко мне. Смотрел бы лучше на дорогу. Посмотрел и спрашивает:

– А что, в вашей фирме все уборщицы одеваются, как вы и полощут свои драгоценности в грязном ведре?

Честно говоря, я немного смутилась, но выход нашла.

– Во-первых, это не драгоценности. А дешевая бижутерия. Во-вторых, я свою одежду стираю «Лаской». Она придает даже таким старым вещам хороший вид.

Тут я не покривила душой. На мне было старье. Три сезона назад привезла из Парижа. Сезон, это время года. То есть этим вещам уже.... Уже! Девять месяцев. В таком стыдно появиться в приличном месте.

– Я убираюсь в кабинете генерального директора. – Пришлось придумать на ходу историю, в которую наемный рабочий может поверить. – Там уборщица в синем халате совсем не к месту. Там бывают такие люди. Приходится держаться за работу. Это вынужденный наряд. Сами понимаете, платят не плохо. Приходится поддерживать марку.

На мое счастье, бог все же есть на Земле. Мы подъехали к главному офису фирмы.

– Я побежала, – говорю я.

– Можно, я вас подожду? Потом отвезу домой. – Что-то в его голосе заставляет задуматься. Домой? К кому? Ко мне домой или к себе?

– Если у вас есть время, то да. – Это опять во мне говорила блондинка.

Я побежала к папочке. Поднялась на второй этаж и в его личный офис. Там его секретарь, Мария Ивановна, меня встретила.

– Светочка, деточка, это ты. Наконец-то заехала. – Просто вторая мамочка. Нет, она тетка ничего. Даже замуж за моего папочку не собирается. Ангел. Бескорыстная женщина.

– Да, Мария Ивановна, это я. Что там у папы? – Легкое недовольство в моем голосе. Я не собираюсь ждать. Пусть весь мир подождет. Даниссимо им в зубы!

– Ой. У папы небольшое совещание. Но я ему сейчас сообщу. Я подам ему его любимый чай.

Мария Ивановна достала стаканчик, налила немного воды и вылила туда половину пузырька валерианы. От этого напитка все, кто был на совещании, обычно, убегали. Догадывались, что приехала любимая дочь генерального директора. Шеф заранее укрепляет нервы. Мария Ивановна открыла дверь кабинета, внося напиток.

– Петр Григорьевич, ваш чай. – Нырнула в кабинет.

Через пару минут те, кто были на совещании, вылетели оттуда прочь. Они понимали, до конца дня к генеральному директору лучше не подходить. Разорвет.

Мария Ивановна предложила мне зайти к моему родителю. Я впорхнула в кабинет.

– Папочка, это я. – Голосок ангела.

– Светик. Светик, ты приехала. Наконец-то я тебя увидел. Мы встречаемся с тобой так редко. Что тебя привело?

В кабинете стоял резкий запах валерьяновых капель. Про этому запаху было ясно, апоплексический удар подкрался к кабинету моего отца.

– Папочка, мне денежек немножко надо. Я почти нищая. – Я стараюсь выглядеть маленькой растерянной девочкой.

– Сколько? – Тихий обреченный голос. Родненький. Я же не специально.

– Чуть-чуть. Миллион рубликов. И евро столько же.

В кабинете повисла тишина. Скрипнула дверь. Это апоплексический удар вошел в кабинет.

– Куда? Зачем? – Совсем растерялся. Бедненький.

– Как зачем? Ты же видишь, как я одета. Совсем пообносились. В этом стоят только .... Ну, на этой... Да, как же ее? На панели. Ой, не то. На паперти, вспомнила.

– Так, моя дочь собирается на панель или на паперть. Видимо так надо понимать. Дорогая, не пора ли тебя выдать замуж? – Ну, вот, опять.

– Что? Замуж? За кого? За того шарика, за этого толстого, у которого брюхо из-под ремня свисает? Я что, должна буду катить его перед собой?

– Он вполне обеспеченный самостоятельный человек. Он не то, что глупая молодежь. – Старый боров, а туда же, в женихи. Как такое могло прийти в голову моему отцу!

– Обеспеченный? И это все? Дорогой папочка, я хочу большой настоящей любви. И вдобавок, у него полное отсутствие мозгов.

– При таких деньгах, доченька, опомнись. Это показатель ума. Он будет носить тебя на руках.

– Это... это... ты о чем? Чтобы меня носили на этих кривых, толстых, волосатых руках? Ты хочешь, чтобы меня стошнило сейчас прямо тебе на стол? Ты сам понимаешь, о чем говоришь?

– Света, все когда ни будь выходят замуж. Потом, мы с мамой, хотели бы нянчить внуков.

– Внуков? – Что за глупость он выдумал.

– Да, внуков.

– Хорошо, я найду от кого родить вам внуков и без этого толстого шарика. – Сейчас, папочка, я тебе устрою. И всему виной твоя жадность. Дал бы денег, я ушла бы. И ничего такого бы не было.

– И от кого? От твоих друзей наркоманов и алкоголиков, с которыми ты тасуешься все вечера?

– Нет, папочка, у меня есть жених. – Произношу гордо. Пусть знает, у него гениальная дочь. Среди блондинок.

– Да? И кто же он? Надеюсь, приличный человек. – Он надеется, я вру.

– Конечно, приличный. – Получи, родной.

– Ну, скажи кто?

– Как кто? Гриша. – Сама судьба на моей стороне. Она подбросила мне его на кирогазе.

– Гриша? И это все?

– Как все? Подойди к окну. Вон он стоит возле машины. Тот, который курит.

– Господи, там такой дым. Интересно, в его сигаретах гнилые тряпки или он туда еще коноплю подмешивает? Или осенью с газонов собирает сухую листву и набивает в свои сигареты?

На улице? Наверное, стояла ужасная вонь. Программист вряд ли может купить приличные сигареты.

Папочка одел очки. Ему бы еще взять бинокль, чтобы разглядеть, во что одет Гришенька. На нем был костюмчик. Знаете, такой. Ну, такой. Он его даже не в супермаркете купил. Нашел. В бачке для мусора. Рубашонка в таком же стиле. Папочку почти хватил удар.

– Мой будущий зять бомж? Ты спятила.

– Нет, не спятила. Я влюбилась. Мы сейчас едем с ним в ЗАГС. – Вы, полагаете, он станет возражать? А я не собираюсь спрашивать. Я просто поведу его туда. Я – блондинка!

– Не делай этого, Света. Остановись. Я дам тебе денежек, только не делай этого. Пожалуйста. – Руки отца дрожали, когда он набирал номер телефона главного бухгалтера фирмы. Он тут же дал указание перевести на мои счета нужные суммы.

– Хорошо, – согласилась я. – Мы подумаем. Я съезжу в Милан, там показ моделей Высокой моды. Там у меня будет немного времени подумать. Я побежала. Мне некогда. Гриша меня ждет. Он безумно ревнив и так любит меня.

Я выбежала из кабинета. Марии Ивановне сказала:

– Двойную порцию чая папочке.

Мария Ивановна тоже была бледна.

– А вам, Мария Ивановна, капель двадцать корвалола.

– Светочка, корвалол здесь не поможет.

– А что поможет?

– Виски. И полный стакан.

– Как пожелаете, леди.

Я вышла из приемной. Чтобы поспешить к своему дорогому жениху. Пусть он узнает от меня, что он женится.

Гриша терпеливо ждал меня. Я подбежала к нему.

– Все я освободилась. В кабинете генерального директора прибрала. – Да, уборка была нелегкой, но я справилась. Кто бы сомневался.

– Куда поедем? – Спросил Гриша.

– Не знаю. – Не задавайте глупых вопросов блондинкам.

– Может, сходим в кино?

– Нет. Я немного проголодалась. Может, заедем куда-нибудь перекусить?

Мы сели в кировгаз. Гриша предложил:

– Тут недалеко есть приличное кафе. Заедем?

Кафе? Так я и думала. Какая же я блондинка. Какая же я блондинка. Если красивый мужик, так он еще и маньяк-отравитель. Он хочет меня отравить. В кафе.

– А может, – робко начала я, – поедем в ресторан?

– В ресторан? – Переспросил Гриша. – А в какой?

Я назвала один из известных в нашем городе ресторанов. По-моему, Грише этот ресторан не понравился.

– Ты знаешь, Света, у меня вряд ли хватит денег, чтобы там купить минеральную воду. – По крайней мере, честно.

– Но я могу заплатить.

Гриша бросил на меня злой взгляд.

– Обычно платит мужчина. Ты об этом не думала? – Почему мужики считают, что блондинки обязаны думать. Это не наше.

– Думала. Ну, думала. Если не хочешь, едем в твою кафешку. – Я немного злюсь.

Я представила себе придорожный трактир. Непокрытые скатертью деревянные столы, которые раз в месяц скоблят ножом. Заблеванные полы. Салат из овощей, увядших на прошлой неделе. Куски мяса, украшенные дохлыми мухами. Но ожидания не оправдались. Скатерти, все таки были. К нам подошел официант и предложил меню.

Мы заказали греческий салат, отбивные.

– Что пить будете? – Спросил официант.

Я вспомнила один из вечеров в Париже, чудесный ресторан. И сказала:

– Мадам Клико урожая 1948 года.

– Не держим. – Улыбается, скотина.

- Может, – робко продолжила я – Божоле?
- Тоже не держим. – В голосе снисхождение.
- А что у вас есть?
- Алиготе, урожая прошлого года. И портвейн три семерки, на разлив из бочки. – Невозмутимая морда. Так бы и врезала.
- Молодой человек, а вы плавать умеете?
- А это, при чем? – Кажется он в недоумении.
- При том. Я хочу знать, выплывешь ли ты, когда я засуну тебя в эту бочку, и бочку прикрою крышечкой.
- Вы чего, мадам? – Сделал шаг назад. Правильно, меня бояться надо.
- Я поднялась из-за стола, подошла к официанту и тихо на ухо кое-что прошептала ему. Парень вначале побледнел, потом дико покраснел, после начал хохотать. Он хохотал несколько минут.
- Ну, вы даете, мадам. – Парень улыбался. – А все же, пить что будете?
- Минеральную воду. Гриша за рулем.
- Как пожелаете. – Парень хотел уйти.
- Погоди. Минеральную воду, а не мочу твоего шефа прошлогоднего разлива.
- Будет исполнено, мадам. Сейчас принесу. – Парень убежал выполнять заказ.
- Я села за столик. Гриша поинтересовался:
- Что ты ему такое сказала, Света?
- Я объяснила ему тонкости французской кухни. Поделилась с ним некоторыми секретами этой замечательной кухни.
- Да?
- Да.
- Пока официант накрывал на стол, мы беседовали.
- Света, не расстраивайся по поводу того ресторана. Меня туда не пустили бы из-за моего прикида.
- Из-за какого прикида?
- Из-за костюма. – Гриша грустно улыбнулся.
- Костюм, причем здесь костюм?
- Я без галстука.
- Не пустили тебя? Со мной? – Это он не от большого ума.
- Тебя бы пустили. Не пустили бы меня, Света.
- Как это, когда ты идешь со мной. Я бы им такое устроила. Такое.
- Что бы ты им устроила? – Гриша продолжал грустно улыбаться.
- Гриша, я, чтобы не терять форму, захожу на наш рынок. Торговки при моем появлении норовят спрятаться под прилавок. Они знают, сейчас будет базар-вокзал. Когда я зашла туда первый раз. Я пыталась объяснить одной из торговок кое-что о свежести ее овощей. Та стала мне возражать. Я ей объяснила на чистом русском языке все о свежести ее овощей. Причем ниже пятого этажа в своей речи я не опускалась. Эта дура посмела соревноваться со мной в изысканности оборотов речи. Заработала весами по морде. Тут полицейский, хватает меня под локоть и хочет меня вывести. Я, конечно, вышла.
- С этим полицейским?
- Причем здесь полицейский? Он остался лежать скрюченный возле прилавка. А я величественно покинула рынок.
- Ты занимаешься боксом? Каратэ?
- Никакого бокса или каратэ. Какой же ты непонятливый, Гриша. Я очень разозлилась. Я совершенно не подумала, успел ли парень завести детей. Так как после нашей памятной встречи их может и не быть.

Официант замер и пробормотал:

– Мадам, у меня еще нет детей.

– Вот и не доводи меня до гнева, а то и не будет вовсе. Но это пустяки. Вот Париж. Ты был в Париже? Люблю этот город и рестораны. Ресторан Эпикур. Я, помню, там пошалила. А Батю ле Калиф? Можно пройти с набережной Турнель или от Дворца Правосудия. Чудесное местечко. Когда я зашла туда второй раз, обслуга была на высоте. Там знают, с русскими девушками шутить не приходится. Заведение находится на набережной Сены. В первый раз один из официантов сам захотел искупаться. Ему не очень понравилось. Так что все остальные держались от меня на почтительном расстоянии.

– Света, а ты кем все же работаешь?

Я решила признаться.

– Я дочка.

– Как дочка? Дочь полка?

– Генерального директора. – Ах, придется сказать правду.

– А-а. – Протянул Гриша.

– И папочка сегодня меня рассердил.

– И чем?

– Он хотел, чтобы я вышла замуж за одного борова. Я ему сказала, что у меня уже есть жених.

– Так ты выходишь замуж? За кого? Как папа?

– Я была в гневе. Папа пил успокаивающее. Жених? Ты что, еще не понял? Я выхожу замуж за тебя. Я понимаю, ты не можешь так сразу поверить в свое счастье. Но ты на мне женишься на этой неделе. На следующей неделе мне будет некогда. Я лечу в Милан, то есть мы летим в Милан на показ новой коллекции моды.

– Я? – Глаза, вы бы видели глаза. Огромные, бездонные. В них удивление. Не может поверить, глупенький, в свое счастье.

– А что, здесь есть еще кто-то. Я даже показала папе тебя через окно. Папа был в восторге.

– Что? В каком восторге? – Что это у него с речью? Это от счастья, дар речи вернется.

– Ты бы слышал, как он орал. Мария Ивановна, секретарь, его потом валерианой отпаивала. Это он от избытка чувств. Он так за меня радовался.

– Ты уверена, Света?

– Конечно. Завтра ты идешь знакомиться с моими родителями.

– Я?

– Ну, не я же. Я своих родителей знаю, мне не надо с ними знакомиться. Послезавтра едем к твоим. Сегодня заедем на твою фирму, ты представишь меня своему директору, как свою невесту. Напишешь заявление на отпуск по случаю нашей свадьбы.

– Ты серьезно?

– Более чем серьезно. Дорогой, все уже решено.

– Как решено?

– А вот так. – То, что попадает в руки настоящей блондинки из ее рук не уходит. – Сейчас мы едем в автосалон, покупаем машину. Тебе, на мое имя. Потом едем и покупаем тебе костюм. Я не хочу, чтобы папу завтра хватил удар. Ты сам говорил, в ресторан тебя секьюрити не пустят. Если ты явишься к моему папе в своем прикиде, его точно хватит удар. А это куча проблем. Мне придется вступать в права наследства. Я в строгом деловом костюме. Как монашка. Руководить фирмой, все равно, что принять постриг. Мне в монахини рано.

– Я не знаю. – Он сломался под моим напором. Мой маленький, я защищу тебя ото всех бед.

– Чего ты не знаешь? Чего? – Кто здесь блондинка, я или он. Самых простых вещей понять не может. Я попыталась взять себя в руки. Света, ты достаточно взрослая девочка

и должна усвоить, все мужики – идиоты и козлы. Отчего они так любят блондинок? Надеются, что они глупее их. И не могут сообразить, это еще одна глупость. Верить в эту чушь. Мужчины, что с них взять. Кроме денег.

– Зачем тебе вступать в права наследства?

– Если у папы инфаркт. Он может умереть. А я – единственная наследница. По завещанию.

– Хороший расклад. Я женюсь на тебе, через год мы разводимся и делим наследство твоего папы пополам.

– Обламаешься. Мы поженимся навсегда. Дошло? Папочка пытался развестись с мамой раз пять. Не мог выдержать легкого и доброго характера мамы. Но обошлось. Она сумела отговорить его от этой глупости. Убеждать она умеет. И папа до сих пор остается в счастливом браке.

Гриша забавно втянул шею в плечи, и мы спокойно поехали выполнять мой план. Нет, его план. После того, как я озвучила его мысли, план стал его. Настоящая женщина создана для того, чтобы знакомить мужчину с его желаниями. Они сами не знают, чего хотят.

Мы купили машину, переодели Гришу и поехали к нему на фирму. Там Гриша представил меня своему директору, Сергею Ильичу. Сергей Ильич нас сердечно поздравил. Угостил кофе. Мы сели, чтобы выпить по чашечке, и я сказала:

– Сергей Ильич, подготовьте, пожалуйста, документы.

– Какие документы?

– Переоформите вашу фирму из ООО в акционерное общество. Я не какой-то черный риелтор. Я куплю сорок процентов акций. Шестидесять процентов останутся вам. Для Гриши сорок процентов.

– Так, Света, а платить ты будешь денежками своего папы?

– Нет. Своими. Отложила на черный день. Я дам указание своему банкиру перечислить требуемую сумму. У меня отложены кое-какие деньги.

– И где? В каком банке? Где он?

– На Каймановых островах, разумеется.

– И сколько ты отложила на этот черный день?

– Я, когда училась в Кембридже, решила попрактиковаться. Я специалист по биржевым сделкам. Учебная практика. Вот и отложила пару, совсем немного.

– Пару долларов?

– Сотен.

– Пару сотен долларов?

– Пару сотен миллионов долларов. – Мне было чуть стыдно. Неудачница. Если б постаралась, могло быть больше. – Тут проблем не будет.

– Где ты их взяла?

– Играла на бирже. Я не очень старалась. Практика учебная.

Сергей Ильич посмотрел на нас, потом сказал:

– Да, Гриша, здорово. Знаешь, Светик, от такой бизнес-леди любой мужик сбежит.

Я не люблю, когда меня называют «Светик». Но Сергей Ильич продолжал:

– И Гриша тоже сбежит.

– Как сбежит? Не позволю. Найдутся ребята, которые скажут: за ваши деньги любая прихоть. И его приведут под венец. Погоди, Генри Хиггинс, день придет, Генри Хиггинс. Тут все схвачено. Если не мне, то никому.

– Ой, Гриша, ну и влип же ты, крепко влип, парень. – Сергей Ильич качал головой.

– Ничего не поделаешь, Гриша, любовь это такая сила. Мы все с тобой решили.

– Да, Света, видимо решено.

– Гриша, ты будешь главой нашей семьи. А я твоей женой. Твоей доброй феей. Все будет так, как хочешь ты.

Вот так мы и поженились. Гриша управляет частью нашего капитала. Руководит отделением своей компьютерной фирмы. Под моим руководством играет на бирже. У нас родился малыш. Мы очень счастливы. В нашей семье Гриша – глава семьи. Привет всем блондинкам. Я так вас люблю!

Правила игры

Я играю в любовь.
Я говорю о том, о сем.
Чуть, чуть мигну тебе глазком.
Я знаю много нежных слов.
Я играю в любовь.

Стою у зеркала, бреюсь. Вглядываюсь в свое отражение. Вообще, рожа ничего. Жесткие скулы, правильный овал лица. Темные волосы. Глаза зеленые. Одна дура сказала, что тонет в них. Утопленница. Если на мой взор бросить этакую поволоку, так эти дуры готовы вытворить, что угодно. Фигура у меня спортивная, плечи широкие. Отец с матерью постарались на славу. Не жалуясь. Я этих дурех собираю, как грибы в кошелку. На мой век девок хватит. У меня своя квартира, так что притормозить с девчонкой у меня есть где. У меня свои правила игры. Я всегда ношу с собой защиту. Пачку презервативов. Я ж не дурак, чтобы за несколько минут удовольствия платить потом всю жизнь. Чем больше отлучаешь от себя девчонок, тем больше ты у них в цене. Можно считать, я ценный приз. Пусть борются. А мне-то что? Вечно любить невозможно. С этим я согласен. Вечно любить невозможно. Одна за мной увивалась. Мне ничего не надо. Мне только ребеночка от тебя. Обещаю, мне ничего не надо. Ага, я что, последний дурак. Помню поговорку, обещать, не значит жениться. Сегодня ты пообещала, а завтра захомутаешь. Нет. Барышни. Я в эти игры не играю. Я сказал, у меня свои правила игры. И будем играть по этим правилам, а не по вашим, бабьим. У меня тачка приличная, парфюм обалденный. Деньжата водятся. Вообще, все путем. Кто-то скажет, нельзя, Костяй, так с ними, с девками. А я что? Я ничего. Я ведь не маю их на огонек. Сами мотыльки мои летят. Пара. Тройка встреч, и они такие шелковые. Покладистые. Вот именно, покладистые. Сами ложатся, и меня к себе тащат. А я тут причем? Чертова бабка им в бок! Так и норовят, так и норовят. Что мне гнать их от себя? Отмахиваться, как от мух? Не хочется. Пусть летят. У меня свои правила игры, у них свои. Поиграем в любовь, девчонки, а?

Они крутятся вокруг меня, как кошки возле кринки со сметаной. Девственницы – это не мой стиль. Хотя можно. Но девчонка, которая попробовала мужчину – это лучше. Во-первых, меньше слез. Во-вторых, у нее какой-то опыт. Замужние? Нет, совершенно нет. Во-первых, мне не нужен для остроты ощущений ревнивый муж, который будет бегать и выслеживать. Ладно, если кулаки. А если выхватит нож? Или стрелять начнет? Или разведется. А эта так и будет лезть с чемоданом ко мне в дверь. Ну, ладно бы залезла, так она так и будет таскаться с чемоданом от меня к своему бывшему, а потом назад. Или к кому третьему. Просто табор, только не с кибитками, а с чемоданом. А те, кто дарит отдых за деньги, это неспортивно. Это охотиться на лису, которая сидит на привязи. Тут всякий урод, и тот будет в дамках.

Пора на работу. Опоздаю, опять шеф будет пилить. Подъехал на стоянку возле офиса. Оставил машину, иду. Ба! Издали меня заметила Марина. Машет, делает ручкой и ко мне. Замахала бедрами, как матрос на сигнальном мостике флажками. Сигналил, обещаю все. Подходит.

– Костя, это ты? Рада тебя видеть. – Как я рад, как я рад, что приехал в Ленинград. Детский восторг. Тряпки на ней не детские. В таких светские львицы себя выгуливают, или интердевочки возле отелей. Вру, такие, возле отелей, не шлятся. Этих подают на заказ. Путана, путана, путана, тебя, как рыбу, к пиву подают. Мне такие по-карману. Но эта готова за мои красивые глаза. За твои красивые глаза, я готова в шалаше отдаться. По щеке моей течет слеза, убежать и в сквере отдышаться.

– Я тоже, Марина. – Откуда ее вынесло?

– Ой. Сколько лет. Сколько зим мы с тобой не виделись.

Да, думаю. Если две недели, это годы. Надо же, как ты истосковалась. Видать, мужик твой сбежал. Что поделаешь? Наверно, нашел что-то новенькое. Мы мужики такие. Бабы тоже любят обновить обстановку. Но у них это переставить горшки с цветами. Передвинуть мебель. Мы меняем баб. Вот это – обновить обстановку. В конце концов, хочется многое попробовать на пиру жизни. Надо было опоздать на работу. Да чего уж там. Я ведь не пацан пятнадцати лет, который увидел даму своих вздохов и побежал прятаться в дальний угол, чтобы никто не заметил его возбуждения. Не те у меня годики. Ну, давай, Марина, играть, так не по-детски. То мне в лицо смотрит. То опускает глаза вниз, на мои брюки, вроде от скромности. Что она там собирается увидеть? Нет. Мужчины порой бывают небрежны. Иногда молния может разойтись. Или иное может случиться с женщиной при виде красоты. Эрекция. Но ты, Марина, не дождешься.

– Ты чего, Марина? – Неудобно прогнать. А хочу ли? Прогнать ли ее?

– Шла, задумалась о жизни. – Ах, она и думать может. Такая неожиданность.

– А что о жизни? – Может и вправду задумалась. Бывает же.

– Есть ли на свете счастье? – Прямо философ передо мной. И этой счастье подавай.

– Отчего? Есть, бывает. – У меня часто. За вечер несколько раз. Когда она приходит и остается со мной. И когда уходит, ничего не требуя.

– А ты часто бываешь счастлив?

– Это зависит от обстоятельств. Например, когда родители не ждут ее ночевать домой.

– Меня не ждут. Ты счастлив? – Улыбается. Ее точно не ждут. Уже давно, лет с пятнадцати.

– Счастлив.

Марина вновь опускает взгляд.

– Марина, не ищи там влажных пятен. Я счастлив, но не до такой степени.

– Я хотела заметить только предвкушение счастья. – Невинная улыбка.

А люди проходят мимо. У них свои заботы. Пацанка в красном шарфике на шее бросила на нас взгляд. Улыбнулась.

– На улице, Марина. Не мое это. Не пацан. – Подарил ей улыбку Дракулы. Зря это я, сейчас заведется.

– Я тоже думаю, не пацан. Так может, мы составим друг другу счастье?

– Давай, вечером залетай на огонек. – Может, забудет. Хотя, сам виноват.

– Хорошо. Мы с тобой сегодня увидимся. – Я чуть отстраняюсь. Сейчас на моей шее повиснет.

– Мне пора в офис. Вон, Сергей Сергеевич навстречу. – Указываю в сторону шефа. Спаситель!

– Костя, зайди ко мне в кабинет. Я хочу с тобой переговорить. Зайди. – Бросает на ходу. Стараются не замечать мою собеседницу.

Мы зашли в кабинет. Сели.

– Костя, поздравляю. Позавчера ты был на высоте. – Право, может изобразить смущение? Что он имел в виду?

Это что, Галина делилась с шефом о прошедшей ночи?

– Стараюсь всегда быть на высоте, Сергей Сергеевич.

– У тебя это здорово получается. – Так, вот болтливые бабы. – Особенно, когда суд присяжных. Женская половина от тебя глаз не отводят. У тебя внешность, голос проникновенный. Константин вошел в зал. Судебное разбирательство можно считать закрытым. Все бросаются брать у тебя автографы.

– Ну, это не совсем так. – Вот, на воре шапка горит. Так оно на судебном разбирательстве.

– Не скромничай. И логика у тебя нормальная. Построил защиту хорошо. Очень хорошо. Так держать, поздравляю. Иди, работай.

И я отправился работать. Я занялся очередным запутанным делом, и день для меня пролетел незаметно. Но вот я отправился домой. Маринка ждала меня возле подъезда на скамейке. Она встрепенулась, увидев меня. Она поднялась ко мне. Легкий ужин. И вот мы сидим на диване, обнявшись. Ее бедро трется о мое бедро. Рука гладит карман моей рубашки.

– Как бьется твое сердце. – Шепот. Робкое дыхание, трели соловья...

– Из-за тебя, Марина, – шепчу я.

Ее рука скользит вниз, падает на мое бедро. Мои ловкие пальцы расстегивают пуговицы ее блузки. Кружевной лиф. Моя рубашка уже на полу. За ней следуют ее блузка и лифчик. Я ласкаю округлости ее груди. Она целует меня, скользит губами по моей щеке, по шее. Я склоняюсь. Мои губы хватают ее сосок. Мой язык скользит по бусинке ее соска. Она изгибается всем телом. Сладостный стон. Рука ее на моем бедре. Со стоном она произносит:

– Костя, а что это у тебя там?

Я отвечаю пошлостью.

– Любимая игрушка моей девочки. – Потом поправляюсь. – Китайские мудрецы называют это нефритовым стержнем.

– Я так люблю нефрит, его твердость. Он такой теплый на ощупь.

Пальцами руки она проводит по ложбинке между своих груди. Ее поцелуи становятся неистовыми. Она вся горит. Мы бросаемся в объятия простыней моей постели. Простыни пахнут лавандой. Наши тела сливаются в единении. Сливаются наши стоны и выкрики. Мы держимся за руки. Как дети. Я сжимаю ее руку в своей ладони. Мы наслаждаемся происходящим. Утро застает нас в лабиринте любовных игр. Мое тело висит над ней. Я опираюсь на ладони, еще мгновение назад, скользивших по мрамору ее кожи. Мои движения становятся ритмичнее, толчки сильнее. Я смотрю на ее ресницы, прикрывающие глаза. В ней столько блаженства, неги. С ее губ срывается стон радости и боли. Я еще раз целую ее губы. Откатываюсь в сторону, и мы вместе переживаем эти мгновения. Опустошающее блаженство. Утренний кофе. Довольный смех Маринки. Прошла сегодняшняя ночь. Мы собираемся. Я отвожу ее. Потом бросаю машину в пыль повседневности. Иду в офис, туда, где ждут повседневные, но интересные дела. В офисе мне потребовалось полчаса, чтобы сбросить наваждение этой ночи, сказку для двоих. Я вчитываюсь в очередное дело. Ревнивец. Современный Отелло. Только вместо коварного Яго, коварство зеленого змея. Кухонный нож, который не позволил Дездемоне помолиться на ночь. Обычная ревность. Представляю, как в зале суда проникновенным голосом, с лицом отражающим сострадание, я пытаюсь обыкновенную бытовуху представить историей романтической любви. История разбитого сердца. Тьфу! Чертовщина. Убийство на бытовой почве выдать за историю страсти. Превратить семейный скандал, площадную брань в стон истерзанного сердца. Муки моего подзащитного. Его боль. Его раскаяние, о котором он даже не вспомнил поутру. Его необыкновенные чувства. Безмерные страдания толкнули моего подзащитного на этот поступок. А может, безмерное количество водки? Мне становится противно самому. Горечь этого я отправляюсь запить горьким кофе.

Через несколько дней было слушанье этого дела в суде. Шеф похлопывал меня по спине и басил: ты молодец, мальчик. Молодец. Ты видел, что творилось в зале. Не только присяжные. Весь зал рыдал, когда ты рассказывал эту историю двух сердец. Твой голос то взмывал вверх, то срывался. А твои жесты, движение рук. Сострадание на лице. Нет, парень, такое можно увидеть только в театре, когда там играет звездный состав. В коридоре меня остановила Мария Федотова.

– Константин, ты устроил нам такое шоу. С тобой, конечно, тяжело тягаться. Но для чего, чтобы выгораживать этого подонка?

– Издержки профессии.

– Издержки? Но ничего, у меня теперь есть цель. Одолеть тебя. Положить на обе лопатки.

– Машенька, это не поздно сделать. Хотя бы сегодня вечером.

– Вечером? Бес проклятый, и тут вылез. Надавать бы тебе по твоей красивой роже.

– Машенька, за что портить такую красоту? – Улыбаюсь я.

Мария смеется.

– Ничего, будет и на нашей бабьей улице праздник. Доиграешься, красавчик.

– К тому времени я уже буду подслеповат, шаркать ножками. Костыль в правой руке, спутница жизни по левую. Так мы и будем шествовать по жизни.

– Как бы я была рада поплясать на твоей свадьбе. И думать, наконец-то, тебя захомутали. Пригласишь на свадьбу?

– Приглашу, только долго ждать. Свадьбу я сыграю на те деньги, которые мне выпишет Пенсионный фонд.

– Не зарекайся. Ты будешь рассказывать сказки своим внукам задолго до того, как Пенсионный фонд возьмет тебя под свое заботливое крылышко.

А кукишь хочешь, Федотова? Были б косички, дернул. И заливаясь смехом убежал!

Марину я увидел вновь через неделю. Издали. Она садилась в машину к своему прежнему. Видимо, вернулся. Ну, что ж, рад за них. Глядишь, и выйдет из них хорошая пара. Текли мои дни. Девчонок хватало. Честно говоря, я радовался тем дням, когда засыпал один. Когда-то надо и отдохнуть. Не дремать же потом за офисным столом. Вспомнился анекдот про мужика. Ты мальчик или мужчина? А в чем разница? Мужик спит с женщинами. А мальчик нет. Пиши, мальчик. Разве с ними уснешь. Подружки менялись, они то, приходили, то уходили. Суета дней. Однажды я отправился в гости к родителям. Большого желания идти к ним я не испытывал, и не потому, что не люблю их. Я их очень люблю. Но вот мама. Всякий раз, когда я прихожу, она начинает разговор. Что мне пора жениться. Что ей хочется внуков. Вот и сегодня, снова и ладом. Мне это надоело. Отец сидит, кивает головой. Согласен со словами моей дорогой мамочки. Как же, куда он без ее мнения. Мы вышли с отцом на балкон покурить. Только тут он мне сказал:

– Нет, парень, я понимаю, ты молодой. Еще не нагулялся. Но, в конце концов, когда-нибудь это должно случиться.

– Может быть. – Так я же понимаю. Все когда-нибудь умрем. Я не исключение.

– Когда я встретил твою мать, я сразу понял, это моя половинка. Думаю, и ты это почувствуешь.

Я не стал возражать, согласился. Сын своего отца.

– Да, батя, вполне возможно. Появится половинка, я вам скажу. – Да черта с два она появится.

– Ты не затягивай. Ты бы активнее поискал. – Право, отеческий совет. В хомут головой!

– Хорошо, батя, завтра же брошусь на поиски.

Как только я вышел из дома родителей, эти мысли выбросил из головы.

Я часто забегая в ближайший супермаркет за продуктами. Готовлю я неплохо. Шеф-поваром в ресторан меня не примут, но тоски по домашней еде у меня не возникает. Постирать белье, так при современной технике это не проблема. Зачем мне жена. Чтобы она каждый вечер мелькала перед моими глазами? Передвигала вещи на моем столе? Потом ничего не найдешь. Задавала idiotские вопросы? Как там на работе, то, да се. А я на автомате ей отвечал: все замечательно, милая, все хорошо. Учила бы меня жить?

В тот день мы с Сергеем Сергеевичем поехали в управление по делам. Он там задержался, так что возвращаться мне предстояло самостоятельно. Выхожу из управления. А тут Коська. Мой тезка. Мы с ним вместе в институте учились. Поздоровались. Завязалась беседа. Кто и где сейчас. Вспоминали однокашников. Мы не виделись месяца два. Потом я закинул удочку:

– А что, Костяй, довезешь меня до офиса? Не спешишь?

Смотрю на него. Одет очень просто. Такие взятки не берут. Мрак! Его бы по башке. Не современный.

– Довезу, садись.

Мы сели в машину и поехали. Рассекаем улицу. Треплемся, как две клуши на скамейке. Вдруг тезка кого-то заметил.

– Смотри, это ж Лохматый отъезжает, собственной персоной, от обочины. Он давно в розыске. Догоним сейчас.

Лохматый оказался шустрым водителем. Мы сумели догнать его только в районе лесопарка. Обошли, встали поперек дороги. Костя выскочил из машины с пистолетом в руке.

– Стоять, полиция.

Лохматый не очень хотел этой встречи. Он выстрелил через лобовое стекло своей машины. Выстрел Кости прозвучал одновременно. Он упал на дорогу, держась за раненое плечо. Пассажир Лохматого выскочил из машины и бросился в лес. Я за ним. Хорошо бежит. Он пару раз оборачивался и стрелял. В меня не так просто угодить. Решил, что ноги его спасут. Прибавил скорость. Но я тоже умею бегать. Я догнал его. Подсек, толкнул в спину, и он упал на землю. Я сверху свалился на него. У нас начался рок-н-ролл. Мне повезло. Я уткнул его мордой в землю, завернул руку. Нащупал на земле пистолет и рукояткой припечатал по затылку. Затих. Я с пистолетом в руке встал рядом. Ждал, когда он очухается. Он пришел в себя.

– Вставай, пойдём.

Тот встал. Видимо, голова еще кружилась. Хорошо я приложил его.

– Иди. И без глупостей. Стреляю на поражение. – Он нехотя шел на ватных ногах. Так я его довел до дороги.

Тезка уже вызвал патрульную машину. Те подъехали. Подошла скорая. Я сдал своего клиента. Лохматый был в тяжелом состоянии. Его забрала скорая. У меня горел левый глаз. Этот мужик все же огрел меня. Надо было эту сволочь замочить. Такую красоту испортил. Синяки украшают мужчину, но мне они не к чему. Парни довели меня до дома. Надо было переодеться. Костюмчик мой пришел в негодность. Стоит не мало. За такое и убить не грех. Переоделся. Посмотрел на свою рожу в зеркало. Да, фонарь отменный. Ночью будет, как днем. Пошел на работу. Сергей Сергеевич был на месте. Увидел мой левый глаз, спросил:

– Константин, где это тебя так?

– Так это мы с мужиками. Отметили это дело. Праздник удался, – пытался я отшутиться.

– Костя, не паясничай. Откуда это у тебя?

Пришлось рассказать правду.

– Орден на грудь, Сергей Сергеевич, повесите? Благодарность на стенку?

– Заблуждаетесь, молодой человек. В таком виде появляться в суде не резон. Ты контору подвел. Придется издать приказ о твоём не полном соответствии и лишить премии.

– Вот и служи родному отечеству.

– Отечеству ты, может, и сослужил, а вот контору подвел. – Сам улыбается во всю рожу.

Выхожу в приемную. Светка, наш секретарь с двумя подружками. Она выбегала, когда я пришел.

– Костя, это что у тебя? – Смотрит на мой замечательный левый глаз.

Я грудь колесом.

– Бандитская пуля.

– Как это тебя угораздило? – Сейчас все бросятся спасать меня своей нежной любовью.

И грудь прикладывает к подбитому глазу.

– Так получилось. Я теперь больной и несчастный, нету в сердце бывшего огня.

– Костя, мне жаль твоих девчонок.

– А что жаль-то?

– Мы с девочками всем расскажем, что нет больше у Кости огня. – Смеется, зараза. Это так. Но сама в грусти, не прошла через мою постель.

– Ты с чего взяла? Он меня в глаз ткнул, а не туда.

- А это надо посмотреть. – Зараза.
- Так ты приходи ко мне вечером, и посмотрим. Я лягу в постель. Буду стонать. А ты будешь сидеть у постели и прикладывать мне компрессы.
- Костя. Я боюсь, ты перепутаешь предлоги.
- Какие?
- У постели, и в постели. С тобой это может случиться.
- А что. У меня в постели вполне уютно. Приходи.
- Сейчас, обрадовался. – Смеется.
- Ладно. Девчонки. Света, кофе угостишь, или зажмешь?
- Сейчас сделаю.

Пришел после работы домой. Телефонный звонок. Лера, сейчас придет. Она уже неделю ошивается в моей берлоге. По вечерам иногда даже тряпкой машет. Придает, как она говорит, человеческий облик моей холостяцкой квартире. Не возражаю, если в охотку. Так пусть. Лера wpłyвает в квартиру и сразу бросает взгляд на ярко проступившее на моей физиономии очарование.

- Где это ты так? – В голосе сострадание.
- Да это мы с моим тезкой, с Костей, пьяного пытались задержать. Тот изловчился и ткнул меня в глаз. Случайность. – Не говорить же ей правду. Начнет ахать, охать. Не подставляй себя под пули. Мне это надо? Нет, конечно.

Я спровадил ее на кухню.

– Лера, приготовь что-нибудь вкусенькое пострадавшему. Умиравшему. Может, это моя последняя просьба. – Изобразил страдальца.

- Хорошо. Ты пойдешь, приляг. – Как всякая женщина, она сострадает.
- Так мне доктор и посоветовал. – Усмехаюсь.
- Может. У тебя сотрясение мозга? – Точно, у меня сотрясение. Остаться с этой женщиной. Но я просто мужчина, что хочет любви.
- Нет. Ввиду его полного отсутствия. – Это я о мозге. Я просто дурак.
- Иди в постель. – Ах, какая забота.
- Иду. Так доктор велел. Только забыл указать, должен ли я там находиться один. – Ой.

Ты не устоишь.

- Иди. Согрею несчастного. – Такая ласковая улыбка. Не устоять.

Я устроился на диване. Ожидая, пока Лерка там что-нибудь приготовит.

Эта неделя у меня тренинг семейной жизни. Ничего, не так уж плохо. После ужина мы легли в постель, выключили свет. Лера прижалась ко мне. Робко поцеловала. Я обнял ее, прижал к себе. Она шаловливо водила рукой по моей груди. Все больше пробуждая во мне желание. Твоя дочь, баловница, всю ночь мне дарила душевный покой. Я целовал ее губы, ее плечи. Она обхватила ногами мои бедра. Она обнимает меня. Треплет мои волосы. Я вижу, как в темноте горят страстью ее глаза. Миг сладостной развязки. Мы лежим на боку, глядя друг на друга. Она вглядывается в мое лицо. Я вглядываюсь в ее милые черты. Прерывает дозволенные речи и наши игры. Мы пьем кофе. Лера собирает вещи и направляется к выходу. Поворачивается и говорит:

- Это наша с тобой последняя ночь. Я выхожу замуж. Пусть это будет ночь, которую я тебе подарила. Я буду долго ее помнить. Ты, Костя, забудешь обо всем через полчаса. А я буду помнить.

– Лера, я постараюсь сохранить твой подарок.

Она поворачивается и уходит. Можно радоваться такой развязке. Ни упреков, ни претензий. Ни обид. Но мне отчего-то грустно. Что это, устал от быстрой смены декораций? Рановато. Чего-то не хватает в моей жизни. Завести подружку с ревнивым мужем? Редкие встречи украдкой. Боязнь огласки. Нет, не это.

Шеф попросил отвезти нашему коллеге документы. Я у него иногда бываю. Зашел в кабинет, отдал бумаги. Сделал несколько кратких комментариев. Вышел в приемную. Там сидит секретарь, Маша. Девчонка скромная, застенчивая. С веснушками на носу. Обычно, я ее не замечаю. Сияние моего замечательного фонаря сегодня сломило ее скромность.

– Константин Павлович, это что с вами?

– Это? Нелепая случайность. Бывает такое. По службе заработал. – Господи снова придется объяснять, откуда у меня фонарь.

– Клиент? – Что еще можно подумать.

– Нет. Нелепая случайность. – Не знаю, что меня дернуло. Лезу с глупым вопросом. – А что вы делаете сегодня вечером?

– Пироги стряпаю. – Маша смутилась, словно стряпать пироги дело не совсем приличное.

– Пироги? Сто лет не ел пирогов. На пироги пригласите? Кто знает, – я указываю на свой синяк, – может, это последние пироги в моей жизни.

Маша начинает смущаться еще больше. Не думал, что можно засмущаться еще больше.

– Вам жалко кусочка пирога? – Ой, начинаю выпрашивать кусочек пирога.

– Нет, не жалко. Приходите. Так вы не придете.

– Где ты видела, чтобы я отказывался от пирогов? – Машка совсем растерялась. – Отказаться от пирогов, созданных такими ручками. Это не в моих правилах.

Это окончательно приводит ее в смущение. Она покраснела.

– Давай адресок. Или уже пожалела, что пригласила меня на пироги? Пожалела пирога? – Теперь я наступаю.

– Нет.

– Тогда пиши адрес. – Напросился в гости.

Она написала мне адрес.

– Когда приходит-то? Во сколько? – Спрашиваю я, забирая бумажку.

– В половине восьмого. К этому времени я управлюсь.

– Все, ждите гостей дорогих, шевеля кандалами цепочек дверных. – Настроение мое улучшилось. Наверно. Из-за того, что я решил нарушить одно из своих правил, не встречаться с родителями своих подружек. Впрочем, она мне вовсе не подружка. Подарим ребенку счастливый вечер. Потом ей будет о чем вспомнить. Рассказать внукам. Как ей посчастливилось провести вечер с неземной красотой. Это со мной. Внуки будут смотреть на нее восхищенными глазками.

Маша потихоньку приходила в себя. Она замечала этого парня. Трудно не заметить такого. Но никогда не осмеливалась с ним заговорить. Она раньше и голоса его не слышала. А сегодня что же ее дернуло, взяла и заговорила. Она места себе не находила. Может, выбежать на улицу подышать воздухом. И еще ляпнула про эти пироги. Вот дурища. Кто так разговаривает с мужчинами. Пироги. Деревенщина какая-то. Что он о ней подумает. На пироги его пригласила. Она понимала, она совершенно не смотрится рядом с этим парнем. У них нет ничего общего. Но сердце сладко ныло. Она пыталась оправдать себя. Один вечер. Почувствовать себя красивой, неотразимой. Какая же она красивая? Чушь. Смешно. Каждой женщине хочется быть красавицей, надеяться на чудо. Однажды она подойдет к зеркалу, а оттуда на нее глянет прекрасный лик. Попасть на бал жизни, закружиться в танце с принцем. Не вспоминать о бое курантов, о карете, что обернется тыквой. Она отпросилась с работы. Придя домой сказала:

– Мама, у нас сегодня гости.

– Девчонки придут? – Мать обрадовалась.

– Нет. Константин Павлович.

– Мужчина? Дай-то бог. – Возможно, дочь нашла свою судьбу.

Но они обе не знали, что должен дать этот бог.

– Маша, живо надевай фартук и на кухню. А то придется кормить гостя сырым тестом.

Раскатывая тесто, мать спросила:

– Ты хоть скажи, кто этот Константин Павлович.

– Это юрист. Он иногда заходит к нам с документами. Такой серьезный, строгий.

– Молодец, решила хоть с кем-то заговорить.

– Он сам заговорил. – Она и матери не хотела признаться, что заговорил он в ответ на ее вопрос. Стыдно было.

– Что он из себя представляет, как выглядит?

– Мама, ты сама увидишь. Он высокий. Стройный. Милый молодой человек.

Пироги были готовы к семи часам. Оставшиеся полчаса Маша мучила себя вопросом, а придет ли гость.

Он пришел ровно в половине восьмого.

Я купил цветы. Вообще, я не умею покупать эти венки. Я в них не разбираюсь. И таскать не привык. Мои девчонки не избалованы подарками. Подарок – это я, обернутый в фирменный костюм. Это был мой первый опыт, не хотелось ударить в грязь лицом.

– Проходите, – пригласила Маша гостя.

Я переступил порог. Не очень галантно сунул в руки хозяйки веник. Обрадовался. Что освободился от него.

– Проходите, Константин Павлович. – Маша смущенно улыбается. Не часто здесь в гостях мужчины.

– Просто Костя. – Поправил я.

– Да. Проходите, Костя.

Я прошел в комнату и поздоровался с мамой Маши.

– Здравствуйте, я Костя.

– А я Наталья Степановна.

– Очень приятно.

– Мне тоже. Садитесь, я сейчас соберу на стол. Пироги уже готовы.

Я сел. Маша села на стул напротив, нервно перебирая пальчиками края юбки. Да, тяжелый случай. Похоже, мужиков она видела только по телевизору. Хозяйка дома принесла пироги, разлила чай, и мы сели за стол.

– Вы юрист? – Спросила мать Маши.

– Юрист.

– Часто выступаете в суде?

– Бывает. Только сейчас у меня временный перерыв. Шеф не пускает меня в зал суда.

С таким-то украшением.

– А можно поинтересоваться, где вы приобрели это «украшение»?

– Вам правду сказать или соврать? – Придется рассказать.

– Лучше, правду.

– Мой однокашник и тезка в полиции работает. Он подвозил меня. А тут заметил, впереди едет преступник. Он погнался за ним. Мы их догнали, остановили. Костя выскочил из машины с пистолетом. Стой, полиция. Преступники и Костя выстрелили почти одновременно. Костю ранили. Он ранил одного из преступников. Второй попытался убежать. Я его догнал. Вот он мне и врезал. Но я все же задержал его. Ничего, я ему навалял. Его же пушкой по башке так трахнул. Такая история. Если б не мой однокашник, то я бы и не связывался. Так, что героем меня назвать трудно. Обстоятельства заставили.

– Так он был вооружен? Стрелял?

– Пару раз. – Я проговорился случайно про пистолет. Не хотел, что б подумали, каждый меня может побить. Вот и вырвалось. – И все мимо.

– Так вы – герой.

– Какой герой. Я больше не за какие коврижки ловить не буду бандитов. Шеф мне выговор обещал. И премии лишит. Вот это героизм.

– За что? – Искреннее удивление.

– Я срываю график судебных заседаний. Шефу вместо меня придется выступать.

– Так вы же для благого дела.

– А ему какая разница.

Наталья Степановна оказалась чудесной женщиной. Мы очень скоро забыли тему моего героизма. Болтали о всяких пустяках. О сериалах. О комнатных растениях. Пироги были чудесными. Уходя, я поблагодарил женщин за прекрасный вечер и вкусные пироги. На пороге я почему-то спросил:

– С пирогами мы разобрались, Маша. А завтра, что ты делаешь?

– Не знаю.

– Тогда я беру билеты в театр. Пойдешь?

– Да.

– Тогда. Я заеду за тобой.

Ха, ха. Театр. Ты явно заболел, парень. Последние подмостки, которые ты помнишь, это твоя постель. А занавес – одеяло. Нет, ты что-то не то съел. Но на следующий день я купил билеты в театр. Давали «Хелло, Долли». К нам пришла Долли, наконец, Долли. Доли к нам вернулась навсегда. Маша внимательно следила за спектаклем. Она понемногу расслаблялась. Напряжение спало. В антракте мы не забыли посетить буфет. Выпили чего-то прохладительного.

– Я давно не была в театре.

– Я тоже. А ты почему не ходишь в театр?

– Одной как-то грустно.

– А с подругами?

– У подруг для этого есть более подходящая компания.

– Теперь и у тебя есть более подходящая компания.

Маша вновь смутилась. Ах, это милое смущение.

Домой мы шли пешком. Болтали.

– Маша, а чем ты занимаешься в свободное время?

– Разным. Вышиваю. Готовлю. Читаю. А вы, Константин?

– Костя. Меня зовут Костя. У меня много друзей. Все славные. – Не признаваться же ей, что мои друзья чаще всего носят юбки. – Они не дают засидеться мне в моем болоте. Свободного времени, для себя, как сегодня, у меня не так много.

– А вам понравился спектакль?

– Очень. «Хелло, Долли» я могу смотреть бесконечно. Мне вообще, понравился сегодняшний вечер.

Я довел ее до двери квартиры. Открывая замок, она спросила:

– Зайдешь?

– Нет. Уже поздно. Отдыхай. Я позвоню.

– Хорошо. – Сказала она и скрылась за закрытой дверью.

Сколько после Маша с матерью обсуждали эту встречу. Было сказано все. Не по себе дерево рубишь. Он разобьет твое сердце. Но она была готова, как мотылек лететь к пламени свечи. А что оно, сердце, что его жалеть. Живут только раз на свете.

Пару дней я смеялся над собой. В детство впал. Просто школьник. Мне б за ней портфель таскать. Но к выходным решил позвонить.

Маша с тоской поглядывала на телефон. Пыталась убедить себя, все это глупости. К чему она ему. Надо выбросить это из головы. Забыть. Снова вернуться к обычной жизни. Но телефон все же зазвонил. Его голос.

- Маша, у тебя какие планы на выходные?
- Никаких.
- А если съездить на пруд или речку. Позагорать, искупаться? Как?
- Не возражаю.
- Завтра у нас суббота. Я заеду за тобой. Часов в девять.

В девять Маша выскочила из подъезда с пакетом. Захватила с собой разную снедь, чтобы перекусить на берегу. Мы поехали на озеро. Загорали, купались.

Я так, мельком (признаюсь, вовсе не мельком) оглядел ее фигуру. Ничего. Даже очень. Хорошая девочка. Мы купались. Поглощали снедь, которую она приготовила. Было хорошо. Мне этот день понравился. Она простая и искренняя. Ее можно было читать, как открытую книгу. Она резко отличалась от моих прежних знакомых. Тех охотниц за мужиками и удовольствиями. Она иная. На обратном пути она болтала о разных пустяках. Выглядела забавной. Звонко смеялась. Я проводил ее домой, понимая, без этих встреч в моей жизни будет чего-то не хватать. С этого дня наши встречи стали постоянными.

Выдался случай, надо было отнести бумаги в ту контору, где работал Костя. Маша с радостью взялась за это. Бумаги она передала. Потом у секретаря, у Светы, спросила:

– А Константин Павлович где?

– А тебе-то что? Тоже попала в его сети? Одна из тех, кто готов прыгнуть к нему в постель?

– Нет.

– Оно и видно. У этого бабника столько дурех. Полгорода под него стелилось. Говорят, в постели он сказка. А ты как думаешь? Посоветуй, он и мне предлагал. Я отказалась. Так как, зря?

– Не знаю. – Маша покраснела. – Он мне нужен по делу.

Развернулась и ушла. По дороге думала, что она глупая девчонка. Дура. На что она надеялась? Думала, что он монах? Закрылся в келье и молится с утра до ночи. Дома она своей печалью поделилась с матерью.

– Что ж, дочка, мужики, они все такие. Им от женщин одно нужно. В постель затащить, а там, как доведется. Ты, Маша, постарайся не повторять моих ошибок. Моей судьбы. Нам, конечно, вместе хорошо. Но женщине все же нужен спутник жизни. С кем детей растить. А этот красавчик изломает тебе жизнь. Постарайся его забыть.

Но, забыть, никак не получалось. Она хотела отказаться от встреч с ним, но воли не хватало. Она обещала себе, что будет вести себя с ним сдержанно, холодно, но клятвы эти таяли сами собой, как только она видела его. Его глаза, отливающие зеленью. Его руки, что обнимали ее. Она окончательно сломалась, сдалась. Не сказала себе вот так, в явь, но в подсознании понимала, если он пригласит ее к себе, она согласится на все. Путь это будет первый и последний раз в ее жизни. Она не сможет отказать ему, не сможет отказать себе.

Они продолжали встречаться. Константин не то, чтобы боялся заключительного аккорда, он опасался, что своими неосторожными действиями может подвести черту под их хрупкими отношениями. Он опасался, что все закончится той пустотой, которую он не раз ощущал, когда встречался с другими женщинами. Подкралась осторожно осень, бросая желтые листья под ноги. Слезы дождя. Его бывшие подружки как бы растаяли в осеннем тумане. Оставалась только Маша, такая близкая, понятная. Однажды Костя решил. Он позвонил матери.

– Мама, я завтра к тебе зайду. Хорошо?

– С каких пор ты начал спрашивать, зайти тебе или нет.

– Я не один зайду.

Сердце матери екнуло. Неужели свершилось.

– Хорошо. Мы с отцом будем ждать.

На следующий день, как обычно, он встретился с Машей.

- Я давно не был у стариков. Надо бы забежать к ним.
- Хорошо. Ты иди, если надо.
- Ты не поняла, мы с тобой зайдем вместе.
- А это удобно?
- Вполне удобно, по крайней мере, для меня. Вот для них... Они постоянно пытаются меня заклевать. В твоём присутствии им будет неудобно меня клевать.
- Они такие злые?
- Нет, это они по доброте сердечной. Все пытаются наставить своего маленького сыночка на путь истинный.
- Константин своим ключем открыл дверь. Они вошли. От порога Костя крикнул:
- Мама, мы пришли.
- Навстречу вышла женщина еще далеко не старая.
- Вот, наконец-то. Проходите. Сейчас на стол соберу. Поди, голодные. Павел! Сын пришел с девушкой.
- Вышел отец.
- Проходите. Что ты гостью на ногах держишь. Предложи присесть.
- Они присели. У Маши тут вырвалось:
- Может, мне пойти на кухню, помочь?
- Мать сама справится, – ответил отец.
- Маша подумала, что брякнула это не к месту. Не всякая женщина захочет, чтобы другая женщина вторгалась в ее царство. Но Костя встал и повел ее на кухню.
- Идем, Маша.
- Мама, я тебе помощницу привел. Примешь?
- Проходи, девочка. А ты, Костя, ступай. От тебя больше вреда, чем пользы.
- Ухожу, ухожу.
- А ты, Маша, помоги мне.
- А что от него такой вред?
- Ой, разве может быть от мужика польза. Один вред. Им бы только диван продавливать с газетой в руках. И ту верхом вниз держат. Один вред от них в доме. Сама не могу понять, чего мы их терпим. А Костя – ходячее недоразумение.
- Маше отчего-то захотелось защитить Костю.
- Нет, он доразумение. Очень даже доразумение. Особенно в суде.
- Мать бросила на нее взгляд.
- Защитить хочешь. Теперь я вижу, если что, то отдам сына в хорошие руки.
- Маша смутилась.
- Давай, понесем. А то мужики там голодные.
- Когда они вошли в комнату, мужики что-то обсуждали. Политику? Сердито посмотрели на женщин. Пришли мешать. Но все же решили соизволить сесть за стол. Снизлошли. Маша стеснялась. Со стороны могло показаться, что ест она с неохотой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.